

ГЛАВА IV

1. Ехать к отцу мы решили вместе: мама и я

Вот и мама вышла из церкви. Она была какая-то странная.

– Мам, ты чего такая? Помянула дедушку Кирилла?

– Да, помянула, – задумчиво сказала мама. – И о болящем муже помолилась. Значит, о твоей папке непутёвом. Вот так, Константинович... Отца-то твоего выписали из реанимации, уход нужен...

– Да, мам, я знаю. Завмаг говорил. Конечно, нужен уход. Я собираюсь к нему ехать – автостопом.

– Каким ещё автостопом? Ты что!..

– Очень просто, бесплатно. Тормозишь попутную машину и вперёд!

– Сын, это ты сам тормозишь! Соображаешь, что говоришь? Кто тебя отпустит?!

– Весь мир так путешествует! Мам, ты от жизни отстала!..

– Детский лепет какой-то.

– Это не лепет. Я на первый случай и денег заработал у зоотехника.

– У какого зоотехника? Михаила, что ли?

– Ну да... Вывозил у него навоз из его «авгиевых конюшен».

– Откуда?

– Ну, из сарая, где овцы его и козы.

– Так, значит... Помощник, кормилец, – мама улыбнулась. – Это хорошо, что ты готов ехать к отцу и даже деньги смог заработать. Но батюшка сказал, чтобы ехала я. Первая жена – от Бога... Так и сказал: «Ну что ж, что в разводе. Он же отец же твоего сына».

Я, честно говоря, обалдел от решения мамы. Она, конечно, была недовольна, что отец не платит алименты. Хотя я никогда не слышал от матери, что он негодяй. Просто неудачник. Бывает. Это тётя Галя возмущалась: «Родили вдвоём дитя, вдвоём и содержать надо По справедливости!» И вот сейчас мама вдруг решила к нему, к моему больному отцу, который не платит алименты, ехать сама. Ничего себе!

– Мам, это ты точно про поездку говоришь? – осторожно спросил я. – Ты же и меня берёшь?

– Тебе надо школу хоть как-нибудь закончить.

– А деньги на дорогу?

– Я же увольняюсь, получу компенсацию за неиспользованный отпуск, зарплату, задержанную за 2 месяца. А на билет церковный староста дед Геннадий выделяет деньги. Батюшка распорядился.

– Ну прикольно! Странные они, – кивнул я в сторону церкви. – Дед Геннадий бесплатно кирпичи кладет, деньги вот на билет дают... Может, они так заманивают людей в свои сети?

– Дурачок ты ещё, Кирилка. Какие сети? Тебе этого пока не понять.

– Так ты мне объясни.

– Я и сама, по правде, не всё понимаю... Но батюшка сказал: бери деньги и поезжай к болящему.

«Словечко какое – “болящий”... Он вообще покалеченный после аварии», – размышлял я. Мы подошли к автобусной остановке. Там оказалась и моя классная руководительница. Сейчас она была без платка, похожа на себя – вся такая из себя.

– Ну и какое сокровище ты прячешь? – спросила она, бесцеремонно сняла мои черные очки и внимательно, снизу вверх, разглядела меня, даже потрогала синяк как бы на упругость. – Роскошный!..

Я ощутил себя под укоризненным учительским взглядом полным заморышем. А она продолжала, уже обращаясь к маме:

– Ирина, вы не волнуйтесь. Батюшка сказал, значит, надо ехать. Да вы и сами это понимаете. А с этим лоботрясом что-нибудь придумаем.

Короче, со мной решили вот что: оставлять меня одного на три недели до конца последней четверти смысла нет – всё равно в школу нормально ходить не буду. Лучше нам с мамой в Пермь к отцу вместе ехать. Классная пообещала организовать в дорогу какую-то справку, заверенную подписью директора и печатью. Пока мы собирались в путь, она сама принесла эту бумагу к нам домой. Для чего – не знаю.

Мне показалось, что Наталья Анатольевна с какой-то радостью делает это. Может, не потому что я должен повидаться с тяжелобольным отцом, а чтоб избавиться от меня? Или не так? Не знаю...

– Я думаю, что в Перми найдется, например, вечерняя школа, и Кирилл закончит там четвертую четверть, – сказала она и сняла с себя ответственность. Может, и вправду хочет, чтобы я с папой повидался.

– Да, конечно, – с готовностью согласилась мама. – Как приедем, так сразу в школу устроимся.

Мне показалось, что о моей учёбе мама сейчас думала меньше всего. Я, честно говоря, тоже.

О тяжелом состоянии отца не говорили ничего. Я так понял, что мать и классная предполагали худшее. Но отца-то выписали из реанимации. И я верил, что он выкарабкается, батя хоть худой, но жилистый. Радость от того, что мы едем к отцу, распирала меня. Я вдруг показался себе таким крутышом, который решил сложный вопрос. Хотя всё утряслось без меня.

Только классная ушла от нас, в дверь постучались. Это был дядька Мишка-зоотехник.

– Ирина, вот, возьми. Это Косте передатка. При сотрясении мозга – мёд и грецкие орехи лучшее лекарство.

– Да ну, зачем!.. – запротестовала мама.

– Возьми. Проведай да возвращайся... Думаю, пора обговорить наши личные дела. – Зоотехник переминался на пороге. – У меня дом, хозяйство. Нужна хозяйка, а ты без работы. Да и твоему оболтусу дело найдется. Он вроде хваткий. – Зоотехник торопливо выложил свои аргументы, не давая маме вставить слово.

– Нашёл время... Ты, вообще, о чём, Михаил? – раздражённо сказала мама.

Тут из-за её спины возник я, мать совсем стушеввалась:

– Ну ладно, ладно... Всё, мы торопимся. А за орехи спасибо. Пригодятся мужу... – Мать подчеркнуто сказала «мужу» и аккуратно закрыла перед дядькой Мишкой дверь.

– Он что, пристаёт к тебе? – со злостью спросил я.

– Не болтай глупости! – возмутилась мать.

– Козёл старый! – Мне вдвойне стало обидно за батю. Он только из реанимации, а этот скотовод со своими орехами к мамке свататься пришёл. – Коз-зёл...

– Давай, пакуй свои вещи... Книги возьми хоть для вида.

Собрались. Адрес больницы узнали по Интернету. Мама звонила в Пермь, но телефон молчал, там же по времени с нами два часа разница.

– Доберёмся! – сказала мама с решительностью, которой я от неё не ждал. – Язык до Киева доведет, как говорил твой дед Кирилл. А до Перми – тем более.

На поезде до Перми надо было добираться с пересадками – трое суток. Поезд с вокзала в райцентре отправлялся рано утром – маршрутки в это время не ходят, такси – дорого, пешком – часа полтора. А с двумя огромными сумками вообще не вариант. Я попробовал поднять обе сразу, но убедился, что я всё-таки заморыш. Хотя, конечно, эти два дня я так пахал, да и с Амбалом была махаловка... Потому всё тело болело.

Мама прозвонила по знакомым – неудачно: у кого-то машина сломалась, кто-то был выпивший, кто – без страховки. Было несколько звонков и матери, в том числе от Завмага. Я не знаю, что говорил ей этот самый Артём Артёмович, мамино лицо не выдавало никаких эмоций. Она сказала мне:

– С транспортом решили...

От Маришки пришла эсэмэска: «Кир, счастливого пути! Возвращайся, я жду». И все...

2. На вокзале опять – полиция: я не террорист, но на гастарбайтера похож

Ночью перед поездкой мне снилась всякая всячина – в стиле фэнтези: когтистая судьба-злодейка, чахлая моя воля в виде бомжа-бурлака, безденежье в форме болотистой лужи. Но папа почему-то не приснился. А я ждал. Ну ладно, скоро и так увижу.

Рано утром за нами заехал сам Завмаг! Я удивился, если честно. Хотя он к бате моему относился хорошо – одноклассник и всё такое, но Артёмович все-таки капиталист...

Сели в его «мерс», как белые люди. Я, чтобы как-то оправдать пользование «Мерседесом», спросил Завмага:

– Этот «мерс» отец ремонтировал?

Завмаг засмеялся:

– Этот, этот...

– Артём Артёмович только недавно купил новую машину, – сказала мама с некоторым укором в мой адрес.

Я жался в сиденье и молчал, потому что вспомнил, как поселковые пацаны бегали смотреть крутой «мерс» возле «гипермаркета». Ну да... Конечно, папа другого «мерина» ремонтировал. Но ведь ремонтировал же! Все не смогли, а он сообразил – без диагностики!

На вокзале к нам сразу подошли полицейские. Я ж в очках темных.

– Сними очки, солнце ещё не взошло, – сказал один со звёздочками, другой рассмеялся.

– И не шурься так, говорят же тебе, солнце ещё не взошло, – поднаживал полицейский, намекая на мой заплывший глаз.

Сравнили мою разрисованную физиономию с паспортом. Он у меня был новенький, только что получил. В торжественной обстановке. Я, честно сказать, волновался сильно, когда мне его вручали. Тогда у меня было такое ощущение, что раз получил паспорт, так сразу и повзрослел. Но после получения паспорта я резко не повзрослел, не перестал ощущать себя заморышем. Жаль...

И тут, на вокзале, я сильно волновался. Что я, позорник, полицейских боюсь? Я же ростом метр восемьдесят уже, выше сержантика и наравне с его начальником.

Так! Где моя воля, смелость? Как победить страх? И почему, блин, страх мужского рода?

Пока я разбирался со смелостью и волей, мама с некоторым волнением объяснила происхождение моего синяка. Сказала, что мы едем к отцу, который в реанимации, начала доставать справку с печатью из школы.

– Гражданка, не надо нам рассказывать всю биографию вашей семьи, – успокоил её старший, со звёздочками на погонах. – Вижу, что не террористы...

– Но на гастарбайтеров похожи, – неуместно хохотнул другой полицейский.

Наряд удалился дальше проверять отъезжающих и провожающих.

– А причём тут гастарбайтеры? – спросил я маму.

– Ну так по разрезу глаз определили. По одному твоему глазу, – мама мягко улыбнулась, наверное, чтоб не обидеть меня. – Хотя, может, и придётся нам на этом Урале стать гастарбайтерами...

Я с мамой не согласился, потому что представлял, какие они из себя, эти гастарбайтеры. По телеку показывали – метут Москву, строчат в каких-то подвалах шмотки, на стройках пашут Равшанами.

Ладно, мне не до них. У меня – другое. Честно говоря, ехал на поезде впервые. Наш плацкартный вагон сначала был почти пустой. Я, конечно, забрался на верхнюю полку. Думал, сразу засну. Но стук колес мешал.

Мама тоже не спала – даже не прилегла. Все смотрела в окно. Что там виделось, описывать не стану. Простые мелькающие картинки. Но мама, кажется, плакала. Ну почему она всё время плачет? Вот вчера, когда отшила дядьку Мишку зоотехника, была решительная. Я вспомнил наставления Завмага: решил – действуй! Мне понравилось. А сейчас чего плачет? Судьбу свою оплакивает или потому что папа – в тяжёлом состоянии?

От этих мыслей отвлекла эсэмэска, писал Рыжий: «Кир, привет! Ты что, уехал к отцу? Почему не сказал? Мне Мышка сообщила. Ленка спрашивала про тебя. Пока».

Ха-а-а... Ленка спрашивает. А ей какое дело? Пусть с Амбалом тусуется. Хотя, конечно, мне было приятно, что Ленка обо мне думает. А что, у папы-Завмага слабо спросить?

А сам Артёмович, вообще-то, молодец. Лично приехал в такую рань, отвёз нас на вокзал. И о бате говорит хорошо: «Мастер – золотые руки». Зоотехник, конечно, тоже нормальный мужик – и мне копейку дал заработать (ну что ж, что в навозе пришлось копать, – это не так и позорно), и мёд с орехами отцу передал, и о дедушке моем Кирилле говорил: «Великий пахарь». Но... оба они, и Завмаг, и зоотехник, мне не нравились тем, что уделяют маме какое-то подозрительное внимание. Дядька Мишка так прямо и говорит: «Личную судьбу надо устраивать». Вот козёл!..

А мама, между тем, спохватилась:

– Как же я забыла Гале сказать. Орехи-то на подоконнике начали, кажется, проклёвываться. Засохнут ведь...

– Так ты эсэмэску скинь ей.

– Точно! – и мама написала: «Галя, присмотри за квартирой. Ключ под ковриком. Поливай орехи на окне в ящике».

Мама успокоилась по поводу прорастающих орехов, а я – потому что увожу её от потенциальных женихов, к отцу моему. Ну и сам сматываюсь от Амбала подальше. С этими мыслями я заснул, точнее, просто отрубился. Спал, как потом мама говорила, часов двенадцать. Она попробовала разбудить меня, не получилось. Даже проводницу позвала, а та пришла почему-то с полицейским, а не с медсестрой. Медики, оказывается, на поезде не положены. Все прислушивались к моему дыханию.

– Просто спит, – сказал авторитетно полицейский. – Видно, у пацана трудный день был.

Он был прав: последний день у меня был трудный и предпоследний тоже. Главное, и сон у меня был какой-то трудный. Я во сне упорно пытался управлять как бы другим сном: хотел увидеть папу. Не получалось. Я злился на себя – и здесь, как заморыш, не могу справиться даже со сном. Так и не увидел отца. А снились мне, блин, гастарбайтеры из телевизора, как их полицейские вытаскивают из подвалов и – в автобус. Ну и на фиг они мне нужны были, эти мигранты?..

3. Маленькая Эротика, мамина песня и я – неадекват

К вечеру мой сон прервал шум – на очередной станции ввалилась весёлая компашка. Как потом выяснилось, молодежная фолк-группа. В основном девчонки. Красивые! Они разместились рядом с нами. Я свесился головой в проход и наблюдал. Ни одна из девушек не была похожа на Ленку. И на Маришку – тоже. Ха, что это я Маришку часто вспоминаю?

Мне стало совестно: отец мой – только что из реанимации, а я думаю о девчонках. Он, конечно, выкарабкается, он – худой, но жилистый. Но девчата сейчас не в тему. Но тут само собой в голове завертелось:

Девочки и мальчики,
дуры и обманщики....

– Девушка, присоединяйтесь, – сказал кудлатый парень из компании, обращаясь к моей маме. Я сначала и не понял, что «девушка» – это к ней. – Прошу, к нашему шалашу. На столике появилась целая упаковка пива.

– По пивасику, красивая... – обратился он к маме запросто. Ну, козёл безбородый, туда же. Злился я, а сам смотрел сверху на девчонок – кое у кого виднелась, так скажем, эротика.

– Спасибо, но я пива не хочу, – грустно, однако достойно ответила мама.

– Понимаем. У вас, наверное, серьезные проблемы, – сказала одна из девушек, с маленькой эротикой в вырезе кофточки. – Но если вы сейчас не можете разрешить эту проблему, оставьте её. Решение созреет и придёт само.

– Да, конечно, – согласилась мама.

– Проблема с вашим парнем? – кивнула эта Маленькая Эротика в мою сторону и каким-то неуловимым движением рук дала понять, что речь идёт о моей физиономии с роскошным синяком.

– Нет, это не проблема, это синяк, – сказала мама девушке, которая, собственно, уже её не слушала, но мы встретились глазами. У меня заколотилось сердце. «Ё-моё!..» Я пялился на неё, если можно сказать так про мой заплывший глаз. Она беззаботно улыбалась и украдкой посматривала на меня. Из спортивного интереса, наверное.

Тем временем к маме подсел кудлатый балагур с гитарой. Начал перебирать струны.

– Вы, наверное, сельские?

– Ну, в известной степени... – неопределенно сказала мама, а я хотел было уточнить, что мы из поселка городского типа, но сдержался.

– На селе поют ещё вот такие песни. Музыка народная, слова народные.

Он начал напевать: «Ты, река ли моя, чиста реченька...»

Фантастика, но эту песню пела моя мама. Она сначала удивилась, потом запела вместе с парнем – негромко, но выразительно, рельефно, что ли... Каждое слово было понятно.

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься,
От истоков струишься отеческих,
Меж камней-валунов извиваешься...

Они пели и почти влюбленно смотрели друг на друга. Такого поворота я не ожидал. С одной стороны, я понял, какая у меня мама молодая и красивая, с другой – это «измена родине»! Отец только что из реанимации, а тут песни, влюбленный взгляды! Я про себя возмущался, но боялся что-то предпринять. Блин, я же офицером хочу когда-то стать, а офицеру нельзя быть трусом!

Меня как ветром сорвало с верхней полки, и я очутился перед кудлатым:

– А ну, отвали от неё! – В руках у меня оказалась пустая пивная бутылка.

– Ты что, Кирилл... – всполошилась мама.

– А ничто! Отвали!..

– Да я и не подваливал, – попытался сострить певец. – Неадекват какой-то...

– Ребята, пошлите отсюда! – это Маленькая Эротика предложила. – Все какие-то проблемные...

Компания быстро перекечевала на другие места полупустого вагона.

– Кирилл, ты что творишь? – закричала мама. – Ты что меня позоришь?

– А что он пристает к тебе?

– Тебе постоянно мерещатся какие-то приставания! – горячилась мать и в то же время переходила на шепот. – Это нормальные человеческие отношения... А ты как дикарь! Что, только что с дерева слез?

Я молчал. Если по-честному, я ревновал мать как бы от имени отца. Батя только что из реанимации, а она... А что она? Ну, дядька Мишка-зоотехник орехов передал, ну, подвёз нас Завмаг на «Мерседесе», ну, спела мамка песню с этим балалаечником. И всё? Кстати, откуда он знает эту песню? А, ну да – это ж фолк-группа, народные песни собирают.

– Mam, ладно, – примиряюще сказал я. – Ну погорячился. Отец же болеет, а мы...

– А что – мы? Я еду именно к твоему отцу, Кирилл, а не к своему мужу... Он мне не муж уже 10 лет. А я лезу со своей помощью!

– Ну ладно, мам... Тебе даже поп сказал, надо ехать.

– Не поп, а священник! А сказал он так, потому что я спросила, потому что сама хотела.

У меня не было желания пререкаться с матерью, а она продолжала:

– Приеду со своей помощью к бате твоему, а там его жена. И что?

– Mam, ну Завмаг же говорил, что за ним некому присматривать.

– Это пока отец твой больной – некому, а как выздоровеет, так найдутся.

– Mam, ну хватит...

Нас прервала Маленькая Эротика. Она нырнула к столику, выцепила оставшуюся там бутылку с пивом и удалилась без слов. Даже не глянула в мою сторону. Обидно. Мне вспомнилось:

Девочки и мальчики,
дуры и обманщики....

За перегородкой снова зазвучала гитара, снова – песня: «Ты, река ли моя, чиста реченька». Как будто мне назло. А может, это для мамы?

Мы молчали. Я вдруг обнаружил, что до сих пор в руках держу пустую пивную бутылку. М-да... Опять чуть не получился боевик – второй за два дня. Хотя какой боевик? Я сам себе признался, что бутылкой

бы не ударил этого народного артиста. Убить же можно! Он же не Амбал, ничего такого мне не сделал. И вообще этот парень мог бы меня легко завалить. Я посмотрел на свои тощие руки-макаронины, ощутил себя заморышем с йододефицитом.

Подальше от этой малоприятной мысли я забрался на свою верхнюю полку и попытался заснуть. За перегородкой слышался шум компании. Перед глазами всё маячила Маленькая Эротика.

Тут пришла эсэмэска. «Наверное, от Маришки», – с тоской подумал я, явственно представляя за вагонной перегородкой Маленькую Эротiku. Даже телефон не достал из-под подушки. Ну что она пристала ко мне, эта Мышка? Так я назвал Маришку впервые за последнее время. Ладно, посмотрю: что там пишет...

Упс! Это была... Ленка: «Кир, привет! Как ты? Мы тут все переживаем за тебя». И смайлик в виде сердечка. Я аж разволновался. Надо же, смайлик-сердечко? Может, прикалывается? Я вспомнил «макаронины», «заморыша»... Наверное, хочет поохмить. Что ей ответить? Напишу «нормально», безо всяких бабских сердечек.

Оба-на... Батарейка на телефоне полностью разрядилась. Не ответишь Ленке.

4. Волга есть Волга – без вариантов

От досады, что не удалось ответить Ленке, я заснул. И снилось мне, будто переплываю какую-то лужу, похожую на лужу безденежья из моего детства. Но запутался в пуповине или в водорослях? Хотя какие водоросли в луже? И напрягаю я волю, наподобие бурлака-бомжа. Барахтаюсь изо всех сил – я ж гиперактивный! А судьба – суровая тетка в сером балахоне, руки скрестила, губы поджала и смотрит сверху. И как бы в стороне – Маленькая Эротика, что за перегородкой в соседнем отсеке вагона. И кудлатый балалаечник, то есть гитарист, в роли рыцаря. Короче, какой-то бестолковый фильм фэнтези.

А за окнами крутился реалистический «фильм»: проплывали деревеньки, посёлки, городки и города. Но я этого не видел – дрыхнул.

Уже весь вагон проснулся. Пассажиры сновали туда-сюда. Звон стаканов с чаем, хлопанье туалетными дверьми, лязг, врывающийся из тамбуров. Я неохотно выползал из сна.

Вдруг по вагону пронеслась какая-то необъяснимая волна. Грохот поезда стал гулким и объёмным, что ли. Состав вынесло на железнодорожный мост.

– Волга, Волга, смотрите... – многие пассажиры прильнули к окнам, я тоже встрепенулся и прилип к стеклу.

Ну, по моим меркам, это была не река, а просто настоящее море! Правда, и море я видел только по телевизору. Но всё равно сравнить есть с чем.

– Константинович, смотри! Волга! – Это мама моя с нижней полки и с восторгом. Если она назвала меня Константиновичем, значит, простила, не дуетя на меня.

– Да... вижу! Ну, нехило! Целое море! – не скрывал я эмоций. – Смотри, мам, и корабли настоящие.

– Теплоходы, – уточнила она, – катера...

За перегородкой снова послышалось «Ты, река ли моя, чиста реченька»... Мама глянула на меня и, улыбаясь, начала тихонько подпевать.

Реально через Волгу переезжаю. Ну, на уроке географии мне будет о чём сказать, если что. Неожиданно для себя я вспомнил школу. Недавно проходили тему про реки – «внутренние воды», кажется.

Мама сходила к проводникам, за отдельную плату у них можно было зарядить телефон. Взяла и мой. Сразу посыпались мне эсэмэски.

Ха-а-а! Опять Ленка: «Что молчишь, Кир? Все нормально?» И смайлик – сердечко. От Маришки: «Привет, Кир! Сообщи, как дела». Здесь без смайликов-сердечек. Хотя я помню, как она с цветком сирени прибежала ко мне. Зато рыжий Денис наслал всяких эмэмэсок – черепа да машинки и просто «Привет». Ну Дэн, несерьезно. Я ему так и написал «Пора взрослеть ☺ ☺ ☺» Денису уже тоже 14 лет, и паспорт имеет, а все в машинки играет. Хотя, машинки, конечно, прикольные...

Надо Маришке ответить: «Дела нормально. Проехали через Волгу. Сила! Всем привет».

«Не Волга, а Кама. При слиянии Кама больше Волги, значит, Кама» – тут же последовал ответ от Маришки.

Ну Мышка, удивила! Туфту гонит. Я засомневался, спросил у мамы, всё-таки институт окончила.

– Я тоже это где-то когда-то слышала, что Волга впадает в Каму, а не наоборот, – сказала мама. – В месте слияния Кама полноводнее и шире. Значит, географически правильно, что это Кама, а не Волга. А по сути – антисоветчина.

– Чего-чего? Анти... чего? Антисоветчина?

– Ну это я образно, – засмеялась мама. – Волга – это Волга, без вариантов!

Короче, я совсем запутался. Эта Маришка мозги мне вывихнула.

Кстати, надо и Ленке ответить. Написать этой Звёздной Звезде для хохмы, что она не самая красивая? Есть ещё красивее? Например, Маленькая Эротика из соседнего отсека. Нет, не буду, может, она и самая красивая. Я написал ей просто: «У меня все отлично!» И всё, хватит. Я помню про свои конечности-макаронины, ну и про многое другое.

Ладно, хватить об этих бабах, в смысле, о девчонках. Отец тут тяжело больной, а они лезут в голову. Хотя у меня была уверенность, что батя выкарабкается. Он хоть худой, но жилистый.

– Ну вот, Константинович, Галя скинула мне эсэмэску. Артём Артёмович дозвонился до Перми. Косте, папке твоему, лучше. Но весь в гипсе, нужен уход. Написала, что Артёмович снова Сергея в грузчики взял, тот пить бросил.

– Ну, все последние новости посёлка Лесостепного и города Перми, – посмеялся я, довольный, что отец идёт на поправку. Хотя ещё перед выездом на Урал мы знали, что отца перевели из реанимации. Хорошо также, что Завмаг снова принял на работу дядьку Сергея. А то грузчик ведь, можно сказать, из-за меня пострадал.

– Ты бы хоть учебник какой-нибудь достал, – испортила настроение мать. – И так школу прогуливаешь. Двое суток балду гоняешь.

Я вытащил учебники и стал лениво их листать, не зная, на чём сосредоточиться. Мысли были о другом. Как я встречаюсь с отцом? Как он отреагирует на наше с мамой появление? Может, и вправду его жена уже там сидит, а мы, здарсьте, нарисовались?

«Но это мой отец, мой! Я еду к нему», – так сам себе я доказывал своё право. Напряг свою волю в форме бомжа-бурлака, набычился. А она, воля, подстегнула фантазию. И пошло-поехало: из нашего посёлка, который «ни к селу ни к городу», прямо над строящейся цер-

ковью, где мы с рыжим Денисом работали, поперла воля-мечта меня через Волгу (или через Каму?). Доставила прямо к больнице, где лежал загипсованный отец. Но это – в фантазиях, а в реале поезд нёс меня на Урал, конечно, не со скоростью мысли, но всё-таки быстро. Ветер врывался в приоткрытое окно и теребил раскрытый учебник географии. Наверное, призывал убедиться, что Волга – это Волга, а не Кама. А я и не стал листать книжку – мама сказала же: Волга – без вариантов.

5. Увидеть Пермь и обалдеть: фонтаны, театры, небоскрёбы!

Короче, мечта-фантазия моя покружила над Волгой, далее – над Камой и угомонила. Поезду пыхтеть еще, наверное, сутки. Никаких особых приключений за это время не случилось. Компания с Маленькой Эротикой тоже притихла, песен не пела, пивасик, видно, закончился. Учебники тихо лежали под подушкой нераскрытыми. Попутчики с соседних полок поменялись – даже не запомнились. Эсэмэски мне перестали приходиться – батарейка телефона совсем разрядилась.

Поезд прибыл на станцию Пермь-II.

– А почему на Пермь вторую, а не на первую? – спросил я у мамы. – Мы что, второй сорт? – У меня возникла дурацкая мысль, что сюда привозят не самых, так сказать, знатных пассажиров. Типа мигрантов-гастарбайтеров и жителей поселков, которые «ни к селу ни к городу». То, что мысль дурацкая, подтвердила мама.

– Дурачок, какой же второй сорт? Здесь целый Транссиб проходит!

Я что-то об этом слышал, из телека, что ли? Спросил у мамы:

– А что такое Транссиб?

– Великий сибирский путь! Самая длинная железная дорога в мире! – как-то с пафосом сказала мама и добавила: – Через всю Европу, через Урал и Сибирь, аж до Тихого океана.

– Самая длинная в мире? Ничего себе! – Я слегка загордился. Конечно, из пассажиров второго сорта – прямо к мировым масштабам. – Это что, мы великие путешественники?

– Ну прям уж, великие... Давай, продвигайся к выходу.

Мы вышли последними, потому что нас никто не встречал. Меня покачивало от трехсуточной езды на поезде.

Я вспомнил слова тёти Гали: это, мол, край эков и ментов. Ни тех, ни других я не видел, кроме дежурных полицейских, степенно прохаживавшихся по вокзалу. Меня мама оставила в зале ожидания с сумками, а сама куда-то побежала. Мой отцветающий зеленоватый фингал, всё ещё выплывающий из-за черных очков, полицейских не привлек. Хотя, если честно, когда они проходили мимо, я почувствовал себя заморышем, съежился и потянулся в карман за паспортом. Он, мне казалось, прикрывал мою грудь, как бронезилет.

Потом я видел, как к полицейским подошла мать, что-то спрашивала, записывала, они старательно объясняли.

Честно говоря, мне нравилось, что мать у меня такая смелая – подошла прямо к полицейским, не побоялась. Мне вспомнилось недавнее – как мы с ней в ментовке у нашего участкового были. Может, информация про нас, про семью хулиганов, уже сюда пришла? У них это

быстро. Хотя участковый нашему делу обещал не давать хода. Говорил при Завмаге, при всех. А там – кто его знает... Подошла мама:

– Ты что такой озабоченный?

– Мам, ну ты такая деловая, – не стал я рассказывать ей о причине своей озабоченности. – Тебе не страшно в таком большом городе? Народу тьма...

– Нам нельзя народа бояться, мы сюда приехали не за этим, – улыбалась и в то же время волновалась мама. – В мегаполисе другой ритм жизни.

– Мегаполис! – с придыханием произнес я. Конечно, мне приходилось слышать это слово, и его значение было в принципе понятно. Но вот так, чтобы ты сам в мегаполисе – это супер! Я опять загордился собой: Транссиб, мегаполис! Мне также нравилась мамина уверенность, которая передалась мне.

– Пошли, сначала нам надо на трамвай, – скомандовала она.

Ехал на трамвае я первый раз в жизни – ощущение, как на маленьком поезде ☺ За окном медленно плыли картины города. Ну, это по сравнению с нашим поселком Лесостепным, который «ни к селу ни к городу» – просто космос! Потом своим расскажу. Например, Дениске рыжему или Маришке, может, Ленке. Хотя нет, ей не буду.

...Плыл я в трамвае, покачиваясь, и понимал: ту лужу безденежья, которая ещё с раннего моего детства чавкает у нас в поселке под ногами и рисовалась в стиле фэнтези, надо... замостить тротуарной плиткой, как в Перми. Вот и всё – очень просто!

Трамвай постукивал на стыках, за окнами возникали фантастические картины мегаполиса: театр, фонтаны, памятники, зеркальные небоскрёбы. Для меня всё, что выше третьего этажа – уже небоскрёб. Супер! Короче, меня этот город покорило – Пермь Великая!

Я взглянул на маму, пытаюсь найти понимание. Она была поглощена чем-то своим и прислушивалась к названиям остановок. Ну да, конечно, она же не просто катается на трамвае, а едет к тяжелобольному моему отцу. И меня мысли вернули к отцу.

Да... Его этот огромный город не баловал. Скорее наоборот – постоянные проблемы с работой, с жильем, со здоровьем. Я почему-то подумал: вот если бы у меня родился младший брат, если б родители не разошлись, мы бы вчетвером жили в Перми. И аварии с отцом, скорее всего, не случилось бы. Вообще у нас была бы судьба другая – не когтистая злая тетка. А так имеем, что имеем. Каждый – по отдельности...

Я не то чтобы обиделся на мегаполис за отца, но удивился: почему всё так несправедливо? Кто-то в роскошных иномарках и в небоскрёбах, а кто-то совсем безлошадный и в общагах да съёмных каморках? И тут мне стало как-то обидно за мой маленький несуразный посёлок Лесостепной. Там и леса-то нет, кроме выгоревшей лесополосы, и степь сильно уж суховейная, и всего несколько трёхэтажек... Какое-то несправедливое распределение. Это что же, я его, мой посёлок, выводит, предаю? Что, измена родине? Хотя Пермь, конечно, супер!

– Константинович, выходи, – толкнула меня мама. – Сейчас надо пересесть на автобус.

Мы попали в час пик – все ехали с работы. Народу тьма. Много очень красивых девчонок. В голове закрутилось дурацкое:

Девочки и мальчики,
Дуры и обманщики...

Пока ждали автобус, я пытался их, девчонок, сравнить с Ленкой, Маленькой Эротикой (из нашего вагона) и Маришкой. Мысленно становился рядом с каждой. А что, при моих ста восьмидесяти см вполне... Ну, синяк, который еще не сошёл, не в счёт. Я быстро запутался с этими девчонками, потому что они, заразы, все разные и каждая мне нравилась. Наверное, я гиперактивный кесаренок.

Толпа занесла нас с несуразными баулами в автобус. Езда быстро утрясла пассажиров, прижав меня к окну. Я чуть не потерял черные очки, пришлось снять. Переезжали через Каму, которая впадает... в Каспийское море. Я улыбнулся своим тайным знаниям. А за окном взметнулся нереальный лес – сосновый бор, как я понял из разговоров местных. Тут вспомнились мне посаженные в ящике на нашем подоконнике грецкие орехи. Интересно, будет с них толк? Про «рощу Кирилла», глядя на сосновый бор, мне даже смешно было думать. Смешно и обидно почему-то...

6. Ещё препятствие перед встречей с отцом

Приехали в больницу, которая почему-то называется медсанчасть, уже к вечеру. Охранник на проходной, весь в черном, как какой-то супергерой, строго объяснил, что доступ посетителям закрыт, начальство ушло. Есть только дежурные врачи.

– Но мы три тысячи километров добирались сюда! Нам надо увидеть больного!

– Завтра всё решите, – сказал охранник, отвернулся и начал есть из какой-то мисочки лапшу быстрого приготовления. По-нашему – бичпакеты. Как-то он со своей лапшой перестал казаться мне супергероем.

– А как же нам быть? – не отставала мама. – Как связаться с дежурным врачом?

– Это не ко мне... Я же не служба спасения.

Я злился на охранника и думал: как прорваться через проходную? Просто перепрыгнуть через турникет и рвануть к больничному корпусу? Может, плеснуть ему лапшой в физиономию? Дурацкие, конечно, мысли. Или попробовать что-то поддипломатичнее?

– Дяденька, – обратился я к охраннику, – у вас отец есть?

– Ну допустим... – перестал жевать охранник и настороженно посмотрел на меня.

– А если б он лежал тяжелобольным, то вы бы как поступили?

Я сам не ожидал от себя такой наглости, но вопрос был уже задан. Охранник встал, повернулся всем корпусом ко мне, очень внимательно изучил мою физиономию и сказал:

– С таким фингалом к отцу я бы не пошёл, – и пояснил: – потому что ещё бы получил от него.

– За что? – удивился я.

– Мой отец так рассуждал: если не можешь постоять за себя, значит, ходи с вечными синяками...

Мне стало обидно за себя, и я выпалил:

– Мы с Амбалом махались! Он такой бык!! – Но на Бичпакет, как я окрестил охранника, это не произвело впечатления. Он продолжил хлебать лапшу.

Мама присела на стул и прислонилась головой к стенке. Устала.

– Что нам делать-то?

– А вы, когда ехали сюда на ночь глядя, что думали? – оторвался от еды охранник.

– Так мы ж с поезда...

– С поезда, с поезда... Что вы все едете и едете в город. Кто вас тут ждёт?

– Вы же понимаете, мы вынужденно сюда приехали. Отец его весь в гипсе...

– Здесь все в гипсе или на костылях. Кто сильно к родственникам хочет попасть, тот находит способ.

Мама поняла это по-своему. Взяла 100 рублей, вложила в паспорт и протянула охраннику.

– Слушай, подруга, – это он к маме обратился, – я же не это имел в виду. Вы, я вижу, и так народ небогатый. Так что заberi.

Мама воспользовалась добротой супергероя:

– Телефон на зарядку можно поставить?

– Ну давай, – позволил охранник и обратился ко мне: – С такими длинными ногами перемахнуть через забор – раз плюнуть.

– Что, правда? Можно через забор?

– Как хочешь, так и понимай. Моё дело – тебя потом изловить, – ба-совито засмеялся супергерой в черной форме, уже не казавшийся мне Бичпакетом.

Я вышел из проходной и пошёл вдоль забора, примеряясь к нему. Оказалось высоко. Сначала надо было забраться на дерево, что я и сделал.

Перепрыгнул с ветки на забор и перевалился через него, как мешок с... Ну понятно, с чем. Рухнул в кустарник, разодрал физиономию и под-вернул ногу: «Ё-пэ-рэ-сэ-тэ!..»

Неожиданно для меня самого из глаз хлестнули слезы. Стоп! Что расквасился? ☹ Мужчине должен терпеть боль! Я сидел в кустах, вы-тирал разодранную щеку и слёзы. Короче, развёл целую лужу. Нет, я не плакал, слёзы сами, блин, текли. Было не так больно, как обидно.

Отец так близко, а я с синяком, разодранной щекой и весь в соплях, сижу здесь в кустах. Это какой-то трындец! Решил отсидеться в кустах, подождать, пока слезы позорные не высохнут.

Надо мной неожиданно возник охранник в черном. Оказывается, он видел в камеру видеонаблюдения, как я бестолково свалился с забора в кусты и поспешил ко мне.

– Что с тобой? Все нормально? Тогда что расселся? – оценил он мою исцарапанную физиономию. – Не плачь, все пройдет!

– Я не плачу, – огрызнулся и просто возненавидел себя: блин, какой я лох, вечный неудачник и заморыш! Постоянно у меня всё не так, как у людей...

– Вставай, пошли, – беззлобно и как-то устало сказал охранник.

– Вы меня что, задержали? – вспомнил я его недавние слова про то, что он должен меня изловить. – Это что, была подстава? – возмутился я и стал думать о нём, как о Бичпакете.

– Дурачок ты ещё, – сказал охранник. – Насмотрелся мультиков да боевиков и всё в войнушку играешь.

– Я мультики не смотрю, – пробовал я возразить. – Мы куда идём?

– Сначала умыться надо, а потом будет видно, – охранник довёл меня до пропускного пункта и легонько подпихнул в подсобку, а сам

занял свой пост у амбразуры окна. Через приоткрытую дверь подсобки я видел маму в углу на стульчике – такую сникшую, усталую. Она меня не заметила. Умылся, слёзы исчезли, только физиономия опухшая и разодранная. Ладно, до свадьбы заживет, как говорила мама. В связи со свадьбой вспомнилась Звёздная Звезда Ленка, Маленькая Эротика из вагона и Маришка. Все сразу! Или я такой озабоченный, или у меня сильно мягкое сердце – не могу вычеркнуть двух и любить одну. Что это я про любовь, тут отец к постели прикован. М-да... Видели бы девчонки меня сейчас!

Думая о них, я вдруг понял, что оттягиваю встречу с отцом. И хочется видеть его, и как-то тревожно, даже боязно.

– Ну что, всё? – заглянул в подсобку охранник.

– Вроде, да, – неуверенно сказал я, рассматривая себя в зеркале над умывальником.

– Не мохай! Мужчину шрамы украшают! – это я уже неоднократно слышал.

– А кто там у вас? – всполошилась мама на своём стульчике в углу. –

Кирилл, ты, что ли? – она заглянула в амбразуру.

Скрываться было нечего:

– Ну я...

– Что тобой? – вскрикнула мать, когда я появился из подсобки.

– Нечаянно упал с забора.

– Господи, горе ты моё! – и расплакалась. – Ничего хоть не сломал?

– Так, подруга! Ты меня начинаешь доставать! – зарычал охранник на мою мать и обратился ко мне: – А ты или выметайся отсюда и держись за мамкину юбку, или дуй быстрее в палату к отцу.

– А там пустят? – засомневался я, ощущая себя заморышем.

– Да что ты как размазня, – сказал охранник с интонацией дядьки Мишки-зоотехника. – Пустят!

И какого фига мне именно сейчас вспомнился этот скотовод из Лесостепного? А вдруг он станет моим отчимом?

7. Как я столкнулся с... мертвецом и судном

Я, ковыляя на подвернутой ноге, добрался до корпуса. В больничном коридоре было пустынно. Я с опаской продвигался, всматриваясь в номера палат. В конце коридора копошилась санитарка.

– Стой, ты куда! – санитарка, опершись на швабру, внимательно осмотрела меня. – Ты откуда такой чумазый? И подранный весь...

– К отцу я... Мы только что с поезда. Приехали из Лесостепного.

– Откуда?... – снова оценила взглядом меня санитарка. – Хорошо хоть не из Мухосранска, – расплылась она в улыбке, довольная своей шуткой, и продолжила в том же духе: – Кишлак что ли какой-то?

– Вообще-то поселок городского типа, – с некоторой обидой сказал я. – У нас там нет кишлаков, только хутора, села, поселки... И города, – добавил я веско.

– Ну надо же! – с деланным восхищением произнесла санитарка.

– Мне бы в травматологию... В триста восьмую палату. Вы не подскажете? – заискивающе спросил я, ненавидя себя за робость.

– Так время посещения больных закончилось. Как ты туда пойдешь? Всё закрыто. Тебе ж на третий этаж надо. Это только на служебном лифте. Да и бахилы надо купить и халат накинуть...

– А где их купить?

– Перед медсанчастью аптека. Но она закрыта...

– А что ж мне делать?

– Ну, есть у меня для таких, как ты, – с укоризной сказала санитарка и безапелляционно добавила: – Давай 50 рр.

У меня оставались карманные деньги, которые я у дядьки Мишки-зоотехника на его «авгиевых конюшнях» заработал.

Без слов отдал ей полтинник, она также молча протянула мне халат и бахилы. Указала, где лифт. Немного постоял, подождал, обдумывая как встречу с отцом. Лифт опустился, с шумом распахнулась дверь и оттуда мне навстречу выкатились санитарные колесные носилки, на которых под простыней лежал... мертвец!

Блин!.. Я аж отшатнулся. Санитар, который опустился вместе с мертвецом, не удостоив меня взглядом, деловито развернул колесные носилки и увлек их в узкий кафельный коридор. Наверное, в морг.

Я, конечно, в фильмах видел всякие страшилки, трупы и всё такое... Тогда мне не боязно было, а скорее прикольно. Но тут – в реале на тебя едет мертвец на коляске! Лифт оставался открытым. Если честно, мне страшно было туда входить. Нет, я не такой уж трус. Вон против Амбала пошёл один на один! А тут... ☹ Где мой бойцовский характер?

– Ты что остолбенел? – крикнула из глубины коридора санитарка. – Мертвецов, что ли, боишься?

– Да не боюсь я ничего, – промямлил ей в ответ. Про себя подумал: мне, между прочим, только 14 лет, я ещё практически ребёнок. Как будто все дети балдеют от встречи с мертвецами. Так я мысленно оправдывался перед санитаркой.

Она подошла, устало посмотрела на меня и легонько подтолкнула в лифт:

– Надо живых людей бояться, а не мёртвых. – И добавила: – Две минуты, и ты на третьем этаже. Я отсюда нажму кнопку. Не бойся.

За моей спиной двери угрожающе закрылись. Я оказался один внутри лифта. Только что здесь был мертвец. Ужас! А вдруг это был отец? Не успел я развить страшные мысли, как лифт остановился и распахнулся. Я вылетел из его утробы – даже забыл про боль в ноге, которую недавно подвернул.

– Фу... Слава Богу! – произнес я вслух, осторожно и неумело перекрестившись. Этого за мной раньше не замечалось. Тут я почему-то вспомнил по Троицкую церковь, которая в нашем посёлке строится, про то, что денег нам на дорогу выделил батюшка.

М-да... Ещё четыре дня назад я и не представлял, что буду за три тысячи километров от нашего Лесостепного, который «ни к селу ни к городу». Всё так сложилось: вроде и люди вокруг нас в посёлке какие-то очень уж простые и не особо добрые – не сказочные герои и не телевизионные благотворители. А ведь помогали нам с мамой добраться сюда: и Завмаг, и дядька Мишка-зоотехник, и классная моя, и участковый, и тётя Галя. И Дениски рыжего мать – она за меня вступилась перед классной. А Маришка – реально моя спасительница! Нет, она точно в меня влюбилась ☺ А вот Звёздная Звезда Ленка всё посмеивалась надо мной. Я для неё – ореховую аллею, а она с Амбалом...

Вот мама моя, конечно, декабристка! Взяла и сорвалась со мной за тысячи километров. Может, она и правда бату моего ещё любит? Все эти скомканые мысли молниеносно пронеслись в моей черепушке.

И вот я здесь и сейчас увижу отца.

Он буквально рядом, на этом этаже, в палате № 308. Я в себе ощутил странное чувство: с одной стороны, очень хотел увидеть отца, с другой – боялся встречи с ним. Как он там? Может, он и не захочет меня видеть. Я, например, если бы лежал трупом, весь в гипсе, точно не захотел бы, чтоб кто-то меня такого видел. Например, Ленка.

– Давай, Кирилл, смело пошёл, – сказал я в приказном тоне сам себе вслух в пустом коридоре.

Прихрамывая, двинулся вдоль стены, как бы украдкой. Так, это – чётная сторона: триста вторая палата, триста четвертая, триста шестая... Я что-то откуда-то помню про палату № 6. Там вроде шизики обитали. Но мне не сюда, тем более – это палата № 306, а не № 6.

Вот палата № 308! У меня бешено заколотилось сердце. Стал в нерешительности.

Вдруг дверь распахнулась, на пороге появилась и чуть не столкнулась со мной санитарка с судном в руках. Судно, понятно, не то, которое плавает по Каме или Волге. М-да... Я что-то и не задумывался, что больные, как бы это литературно сказать, ходят по-маленькому и по-большому. Такая вот встреча... Я отвел от судна глаза и нос.

– Это что за чудо в перьях? – спросила меня санитарка настолько удивлённо, что я невольно обернулся в поисках этого самого чуда. – Ты кто такой и откуда?

– Я Кирилл из Лесостепного. Из поселка городского типа, – уточнил я, чтобы и эта санитарка не подумала, что из какого-то там кишлака. Они, санитарки из мегаполисов, как я понял, городами считают только миллионники. Для них всё, что меньше, – кишлак.

– Мне фиолетово, какого типа.

– Я к отцу. Константин его зовут, – уточнил я. – Травматология, после аварии, палата № 308.

– Ну есть такой... Нуждается в круглосуточном уходе.

– Вот мы и приехали, чтоб ухаживать. Я и моя мама.

– Что-то вы не спешили, родственнички, – пробурчала санитарка. – Выноси тут дерьмо за вашими... – Она удалилась с колышущимся судном.

8. Ну вот мы и встретились с отцом!

Я остался перед открытой дверью. Ну!.. Помню, когда был маленьким, бежал навстречу отцу, возвращавшемуся с работы, и бесстрашно бросался ему на руки. Он головокружительно подбрасывал меня вверх – аж дух перехватывало! Вот и сейчас было такое состояние.

Я нерешительно переступил через порог. И – не увидел отца.

Четыре кровати со странными конструкциями в виде тросиков, колёсиков и штанг стояли в два ряда. Все были заняты. А где отец?

– Пап, ты где? – тихо окликнул я. На всех четырёх кроватях отметились шевеление.

– А к кому пришёл? – проскрипел стариковский голос с первой кровати. Это явно не папа.

– Кирилка, это ты? Откуда? – Кровать отца оказалась в дальнем от меня углу, возле окна. Над одеялом торчала загипсованная нога. Батя, подтягиваясь на руках, с трудом оторвал голову от подушки. Его голос был слабым, но узнаваемым. В нём слышалось скорее удивление, чем радость. Глаза и щёки провалились, волосы спутались. Но это – отец!

Я в нерешительности подошёл. Не знал, как себя вести, – это в детстве я бросался ему на шею! А сейчас? Я подал руку для рукопожатия:

– Привет, па! Как ты?

В ответ батя притянул меня и обнял плетью руки. У меня брызнули позорные слезы. «Гьфу, блин!.. Сопли распустил», – разозлился я на себя.

– Сынок, как ты здесь оказался? – у отца повлажнели впавшие глаза.

– Мы с мамой приехали.

– Как? И она с тобой? – мне послышалась в его голосе тревога.

– Мы сюда прямо с поезда. Она внизу, на проходной, – торопливо рассказывал я. – Мать, как узнала, что ты попал в аварию, так всё бросила, и вот мы приехали.

Я не стал вдаваться в подробности. Отец как-то заволновался, зауетился. Пытался поправить свои включенные волосы, тёр небритые щёки.

– Так она здесь? Надо же... Что ж она не идёт? А, ну да... Надо дежурному врачу сказать. – И вдруг ко мне: – А как ты-то сам сюда проник? Сейчас же приёма посетителей нет, да и вообще здесь строго...

– Да так и проник... Потом расскажу.

– Ну конечно, у нас времени навалом, – уверенно сказал отец. – А у тебя вообще как со школой?

– Да нормально, пап, все путём, – отмахнулся я от неудобной темы. – Давай лучше с мамой решим. Что надо сделать, чтоб её пустили?

– Сейчас позову санитарку, – отец нажал звонок. Через некоторое время она появилась:

– Это ты, дед, опять звонишь? – обратилась санитарка к лежавшему у двери старичку, который со скрипучим голосом.

– Звонил я, – обозначился отец. – Дежурный врач нужен.

– Зачем он тебе?

– Мы с мамой к отцу приехали, – ответил я, уловив, что отец чуть замешкался с ответом: наверное, решал, моя мама жена ему или не жена.

– Да знаю я про тебя, из городского типа, – хмыкнула она.

– Из поселка городского типа, – уточнил я.

– Да мне фиолетово, из какого типа, – и пошла за врачом, как потом выяснилось.

Я видел, что отец волновался. Повисла какая-то нехорошая пауза. Я так много хотел сказать отцу: про жизнь мою пацанскую, про Завмага, про «Мерседес», который он ремонтировал. Может, про Дениску рыжего, друга моего рассказать, про Маришку, которая не мышкано-рушка и, может, в меня влюбилась. Но что-то мои домашние заготовки все улетучились. У меня такое ощущение было, будто классная вызвала меня к доске, а я всё забыл. Только про Амбала помнил, потому что отец, как мне показалось, изучал мой синяк.

Я отреагировал на опережение, небрежно проведя рукой по отцветающему фингалу, как бы смахивая его:

– А... Это чепуха, мы с Амбалом махались.

– А Амбал, он что, действительно амбал? – участливо спросил отец.

– А то! Шкаф целый, на два года старше, – я хотел уточнить, что Амбал мог бы быть его приемным сыном, но понял, что это будет полнейшая глупость с моей стороны.

Вошёл дежурный врач:

– В чём проблема, больной?

– Ну, вы говорили, что нужен постоянный уход, – начал отец.

– ... Вот мы с мамой приехали, – тут же обозначился я.

– Да, действительно, за вами нужен круглосуточный уход. Но это делается не так, не по-партизански. Пусть родственники обратятся завтра к главному врачу, решат все формальности, – он глянул на меня и спросил: – А собственно вы, молодой человек, как сюда проникли? Кто вас в неурочное время пустил на территорию лечебного учреждения, да ещё в палату к тяжелобольным?

Повисла пауза, я не знал, что сказать. Папа виновато раскинул плечи своих рук:

– Ну, доктор... Сын за три тысячи километров приехал.

– С матерью, – подсказал я.

– Доктор, да надо радоваться, что ещё есть такая молодёжь, – вступился за меня скрипучий старик. – Вот ко мне никто не ходит, ни сын, ни внуки. Хоть бы кто сигарету прикурил. А так со мной проблема только для санитарки.

Я не к месту захотел покурить, но понимал, что здесь это нереально, а доктор продолжал:

– Есть режим лечебного заведения, есть время для посещения... Возможно, другим больным вы, молодой человек, мешаете своим присутствием, – обратился ко мне врач, детально изучая мою поцарапанную физиономию с фингалом.

– Да ничего он нам не мешает, – отозвались с других кроватей мужики, на которых я как-то особо не обращал внимания.

– Так что, доктор, можно жена моя сюда зайдет? – спросил отец, а у меня аж сердце от радости запрыгало: батя назвал её, мою мамку, женой!

– И жена за три тысячи километров?

– Бывает, доктор, бывает.

– Ну, пусть только проведает, не более пятнадцати минут.

– Спасибо, доктор!

– Пап, я сейчас за мамой! Я знаю, как теперь сюда попасть, – и рванул из палаты, не обращая внимания на ноющую боль в подвернутой ноге.

9. А потом мы мыли... «мешок с костями»

На проходной мама уже была наготове, оказывается, дежурный врач позвонил охраннику, чтоб тот её пропустил.

– Мам, давай за мной!

– Сумки ваши пусть здесь стоят, сохранность гарантирую, – как-то весело отрапортовал супергерой-охранник, бывший Бичпакет.

Мы повторили с мамой мой недавний путь до палаты № 308. Санитарка с первого этажа, которая думала, что я из кишлака, бахилы дала матери бесплатно. Лифт оказался без покойника. Санитарка с третьего этажа встретила, извиняюсь, без судна в руках.

Вот и палата № 308.

– Мам, да ты не волнуйся, – успокоил я её.

– Я и не волнуюсь, – судорожно поправляя она волосы, зачем-то внимательно изучила свои руки, посмотрела на меня как-то даже беспомощно и... шагнула в палату.

Я не знаю, что они, мои родители, чувствовали, но сдержанно сказали друг другу: «Привет».

– Как ты?..

– Да вот...

Мама села возле кровати.

– Мы сейчас без гостинцев... Там, на проходной, все наши сумки.

– Да ладно, здесь нормально кормят.

– Привет тебе от поселковых.

– Спасибо...

Беседа что-то не клеилась, да и отцу, видимо, было трудно говорить. Потом родители молча взялись за руки. У мамы текли слезы, у отца тоже повлажнили глаза.

Я вспомнил картинку из детства, когда они, молодые, стояли, обнявшись, посреди улицы. Папа вытирал маме слезы её зеленым сарафаном. А я, малыш, – рядом и тоже ревел. Потом эта картинка много раз возникала в моих снах.

У меня к горлу подкатил комок. Нет! Только не слезы, приказал я сам себе. Нельзя показывать слабость – мужчины не должны плакать. Но противная влага как-то всё-таки просочилась. Отец силился улыбаться. Ну, мама – женщина, тут понятно. Слезы ручьём.

Старичок со скрипучим голосом сказал, глядя на нас:

– Слезы радости!..

Вошла санитарка с тазом, полотенцем и какой-то резиновой штукой.

– Вот сейчас и помоем этот мешок с костями, – сказала она буднично. – А как вы хотели?

– Уже не мешок, – пытался шутить отец.

– А таблетки почему не пьешь? – строго спросила санитарка, увидев в тумбочке лекарство. – Вот доктор не видит!..

– Я по схеме, – ответил отец. – Уже наглotalся, как наркоман стал...

Мне вдруг вспомнилось про таблетки «лирики», которые глотали некоторые детдомовцы и Амбал. Участковый говорил, что они станут «наркоманами», и я испугался за отца.

Мысли про «лирику» перебила санитарка, с шумом задёрнула шторку, отделявшую батину кровать. Я хотел выйти, а она мне:

– Оставайся здесь и смотри... Теперь будешь матери помогать.

Мне было не по себе, но я остался. Санитарка, надев резиновые перчатки, ловко и как-то бесцеремонно приподняла верхнюю часть туловища отца – насколько позволяла торчащая в гипсе его нога. Мама тоже присоединилась к ней. Отец пытался как-то помочь общему делу.

Начали обтирать его тело. Да, это был окончательный скелет, аж страшно. Как будто поняв мои чувства, санитарка сказала:

– Смотри и учись. Тут нет ничего страшного и никакого стыда, – она орудовала мокрым полотенцем, обтирая тело отца. Мама повторяла то же самое, зайдя с другого боку кровати.

Отец молчал, хотя ему явно было больно от манипуляций с его телом.

– Главное, чтоб пролежней не было, – грубовато поясняла санитарка.

– Да я знаю, я понимаю, – соглашалась мама – Особенно в области седалищной кости, крестца и копчика.

– Грамотная... – вроде с недовольством сказала санитарка.

– А то!.. – натянуто улыбнулась мама.

Я хотел вставить неуместное, что мама институт закончила, но санитарка мне буркнула:

– Ты не стой без дела, поменяй воду.

Я это сделал – раковина с горячей водой была здесь же, в палате.

– Ну вот, сейчас голову твоему предку помоем, и всё. Будет жених женихом!

– Да мне хватит уже женихаться, – подал голос батя.

– Все вы такие, когда лежите трупом, а как оклемаетесь, так...

Санитарка подложила отцу под голову какую-то штуку типа резино-вой подушки. Я поливал воду из ковша, мама мылила волосы, санитарка давала указания.

Мне доверили брить батину недельную щетину. Отец пытался помогать, но обессилено опускал руки. Я, хотя и сам еще никогда не брился с задачей справился.

– Вот, теперь как юбилейный трояк сияет! – сказала санитарка.

– Как червонец, – слабо улыбнулся отец, несогласный с такой низкой оценкой. Вроде и мама стала веселее. Правда, после бритья щеки отца казались совсем прозрачными.

Я почему-то подумал, что мне и самому надо побриться. А то пушок какой-то несерьезный развёлся под носом. Вот царапины сегодняшние заживут, и побреюсь, решил я по-мужски.

Повисла неловкая пауза.

– Ну, так вроде на человека стал похож, а не на мешок с костями, – одобрительно сказала санитарка. – Выкарабкается, бедолага...

– Конечно, папа худой, но жилистый, – сказал я, убеждая всех.

Санитарка не ответила, забрала таз с ковшом и полотенцами, удалилась.

– Спасибо вам!.. – сказала мама вслед ей.

Когда санитарка скрылась за дверями, голос подал скрипучий старичок:

– Спасибо в карман не положишь... Я вот всегда ей мятую сую в карман.

– Да?... – растерялась мать. – А я думала, что у вас здесь не принято.

– Принято, принято. Дашь хоть полтинник, так примут...

Речь о деньгах озадачила маму. Нет, конечно, она знала, что на лекарства там, на усиленное питание... На первое время деньги имелись.

Кое-какие финансы были и у меня, остались от тех, что дядька Мишка-зоотехник заплатил за навоз. Я, естественно, готов был пожертвовать. Мама ж не зря меня называла кормильцем.

Подав слабый голос отец:

– У меня на карточке немного есть. Но где она, эта карточка, не знаю, – сокрушался отец, явно чувствовавший себя неловко.

Думаю, он, как и мы с мамой, помнил, что не особо помогал мне финансово. Честное слово, в мою голову приходили и раньше мысли об этом – об алиментах, о посылках. И сейчас стало обидно за отца. Не за себя и не за маму, а именно за батю.

Как ему сейчас скверно, не только физически, но и совесть, наверное, грызет. Сыну, то есть мне, вот 14 лет, а вырос без помощи отца. Впрочем, это я за батю так думал, а что у него в мыслях, я не знал. Отец прикрыл глаза, за сберкарту не говорил, про аварию свою не рассказывал.

Мы переглянулись с мамой:

– Пошли, сын?

– Да, мам, пошли...

На меня навалилась усталость – за этот день столько всего произошло! И главное, встреча с отцом! Я, конечно, рад! Но ожидалось чего-то другого... Хотя что, собственно, должно было случиться?

– Костя, ну мы пошли, – сказала мама отцу.
– Ну, ладно, спасибо... – Потом отец вдруг спохватился: – А вы где остановились?
– Где? Пока – на проходной, – сказала мама. – Сейчас определимся, не волнуйся.
– Пап, ну, до завтра!
Момент неловкости прошёл, я просто радовался, что у меня есть родители, не то что у детдомовских.

ГЛАВА V

1. Ночью к нам ломились – я пустил в ход битые бутылки

Мы вышли из больницы. Во всем моём теле ощущалась убойная усталость, я чувствовал себя заморышем. Сразу замёрз – на дворе май, а тут такая холодрыга! Морось, ветер...

– Mam, где будем ночевать?

– Охранник вот дал записку, в соседнем общежитии договоримся.

Мы долго преодолевали двести метров от корпуса больницы до проходной. Во мне была опустошённость. Ну вот, встретил я отца. Поздоровались, обнялись. Даже не поговорили толком. С досадой я вспомнил свою влагу на глазах и снова возненавидел себя.

– Рад, что встретил отца-то? – как бы подслушав мои мысли, спросила мама.

– Конечно, – ответил я без энтузиазма. – Но какой-то папка потухший.

– Наоборот, он взбодрился, когда тебя увидел.

– А может, тебя...

Мы как бы успокаивали друг друга, не очень уверенные, что отец нам был сильно рад. На проходной восстал, как памятник, охранник:

– Проведали отца?

– Проведали...

– Всё нормально?

– Нормально.

– Вот видишь, пацан! Если захочешь цели достичь, преград нет, кроме кустов, – засмеялся он и дурацким жестом показал на моё исцарапанное лицо. Мне, конечно, это не понравилось. И то, что именно он маме дал записку в общежитие на ночлег, тоже меня злило. А мать ему сказала:

– Ну, спасибо, что помогли...

– Да ладно... Я сутки через двое дежурю. Если что, обращайтесь.

Мы взяли наши баулы и потащились в сторону общежития.

Холод и промокшие ноги заставляли нас двигаться быстрее, преодолевая собачью усталость. Я вспомнил, что родился гиперактивным.

Вот и общага. Это, конечно, не небоскрёб, какие я видел в центре Перми, но всё же пять этажей. А в нашей общаге в Лесостепном – лишь три.

Нас впустили в фойе, мама по записке, которую дал охранник из медсанчасти, нашла какую-то тётку, комендантшу. Она неуловимо на-

поминала мать Амбала. Мне это не очень понравилось. Особенно – воспоминание про Амбала. И так ещё синяк от него не сошёл. В связи с этим у меня перед глазами пролетели картинки из недавней моей поселковой жизни: Маришка, которую я вспомнил первой, Ленка, которая сама бесцеремонно явилась в моё воображение, Дениска рыжий (туго ему сейчас с Амбалом). Ну и другие вспомнились: Завмаг Артёмович, дядька Мишка-зоотехник, участковый...

Комендантша провела нас по мрачному коридору, где тяжело ворочались запахи сырости. Поднялись на второй этаж.

– Вот здесь две кровати... Душ, туалет в коридоре. Деньги вперед. Кавалеров не водить.

– Да вы что, – поперхнулась мама. – Какие кавалеры?!

– Ну-ну... – Тётка равнодушно обвела взглядом маму, получила плату за двое суток вперед и, уходя, посоветовала:

– Закрывайтесь изнутри на засов. Тут народ всякий обитает, – и показательно лязгнула тяжелой металлической дверью.

– Ну вот, слава богу, теперь отдохнем!.. Сходи в душ, а я пока что-нибудь приготовлю перекусить.

– Ты первая иди, – сказал я, прилёг на неразобранную кровать и отрубился.

Сквозь сон я едва услышал, как вернулась мама. Она попыталась меня растормошить:

– Вставай, Кирилка, в душ сходи... Или хоть перекуси...

Бесполезно. Не знаю, сколько прошло времени, но сквозь сон слышался страшный грохот: «Ты-джах! Ты-джах!»

– Открой! Открой, я сказал! Это моя комната...

Я вскочил, ошарашенный. Мама в накинутом на ночнушку халате прильнула к дверному глазку:

– Вы кто? Мы с комендантшей договорились...

– Открой, бляха-муха! Ты что сюда припёрлась? – нетрезво орал за дверью мужик.

– Нас комендантша сюда вселила!

– Какая на фиг, комендантша!? Выметайся!..

– Куда мы ночью?

– Мне по фигу, куда! Ты в чужую комнату припёрлась, ещё что-то там вякаешь.

Я окончательно проснулся, меня, если честно, колотило от страха. При тусклой лампочке я видел, как по маминым щекам текут слезы:

– Господи, ну приехали в эту Пермь, а тут... Ну кто тут нас ждёт?.. – мама уже рыдала. – Кому мы нужны...

– Давай, коза драная, открывай! – гудел утробный голос за дверью. – Будем договариваться... Ха-ха-ха! – Мама отшатнулась от двери и прижалась спиной к стене.

Меня переключило! Я забыл о страхе и схватил со стола бутылку с минералкой:

– Ах ты, шакал! Я тебя сейчас взорву! А-а-а!! – и, что было мочи, запустил бутылку в металлическую дверь! Грохот был страшным, фонтан стекла и брызг обдал всю комнату. За дверями – тишина!

– Заходи, дрянь! – орал я. – Заходи! – В руках у меня оказалась вторая бутылка. Ринулся к двери, под ногами звенели осколки стекла – я был в одних носках. В бешенстве откинул засов на двери, распахнул её ударом ноги. В метрах трех стоял мужичонка непонятного возраста и весь такой удивленный.

Я жажнул бутылку о дверной косяк, в руке осталось горлышко – «розочка». Мужик шуганулся от меня:

– Ты что, звезданутый, что ли? – он метнулся на лестничную клетку. Уже оттуда: – Сейчас тебя менты повяжут... Жди, сопля маринованная!

– Мразь! – крикнул я в ответ на маринованную соплю. – Убью!..

– Кирюша, сынок, успокойся! – это мама меня взяла за локоть. – Вот тапочки надень.

Обувка плюхнулась передо мной на крошево стекла и воды. Мама осторожно вынула из моей руки горлышко разбитой бутылки.

– Мам, все нормально, – успокоил я её, хотя со мной было что-то ненормальное – меня всего колотило.

– Пойдём, сынок, не волнуйся...

Мама закрыла дверь, замела осколки, протёрла полы.

Я почувствовал дикую усталость и... голод. А ещё – обиду: почему Пермь, такой красивый город с пафосным званием мегаполис, принимает нас так некрасиво, непафосно? Почему? Мне хотелось заплакать. Но нет, только не слезы-сопли! Нет!

Я яростно накинулся на еду – смёл все, что было на столе. Думал: если в ментовку заберут, когда ещё там накормят? Было около двенадцати ночи. За окном не очень и темно.

– Почему так светло? – спросил у мамы.

– Скоро наступят белые ночи...

– Что, и в Перми есть белые ночи?

– Все знают только о белых ночах в Питере, но и в Перми они тоже наступают, – пояснила мама. – Эти же города почти на одной широте находятся...

– Ясно, – сказал я, хотя про широту и долготу из географии ничего не помнил. Но сам факт белых ночей меня радовал. Хоть что-то светлое...

Полицейские за мной что-то не приезжали. Маленькие ранки на ступнях противно саднили – я всё-таки порезался о стекло разбитой бутылки.

– А может, лучше бы к Денискиному деду на квартиру попроситься? – предложил я матери. – Ну, который ёлочки в Троицкой церкви посадил.

– Ты что, сын! Он живет в Соликамске, это километров двести, а может, и триста от Перми. И потом, кто мы такие?

– Земляки!

– Этого мало...

– Земляки – это много! – не соглашался я. – Это почти что родня.

– У тебя здесь есть родня ближе некуда. Отец родной.

– Это да. Вот если бы мы вместе жили...

– Кирилл, прекрати! Сходи лучше в душ, с поезда не мылся.

– Пойду...

2. Я принял душ, затем... круто отколотил всех негодяев

Я стоял под душем. Теплые струи смывали с меня шелуху прежней, допермской, доотцовской жизни. Я верил: с завтрашнего дня всё будет нормально. Пермь примет нас. Под тёплым душем я ощутил себя защищённым.

С отцом тоже всё будет хорошо. Это я так прямо с рекламной интонацией и сказал. Надо завтра отнести бате гостинцы: мёд, орехи, которые передал дядька Мишка-зоотехник.

Интересно, как там орехи, которые мы с мамой посадили в ящике на кухне? Может, и правда вырастет целая роща, ну или аллея. Аллея Кирилла – ха-ха!.. И по этой аллее я буду гулять со Звёздной Звездой. Хотя, пожалуй, нет, не с ней. Ленка постоянно надо мной смеялась. Вспомнилось её обидное: «...а он своими макаронинами машет, машет – баранов разгоняет!».

Хотя она, Ленка, права. Я протёр запотевшее зеркало, висевшее на двери душевой. М-да... Конечно, она права: на меня уныло смотрел тощий, длинный заморыш (глистом я не стал себя называть). Действительно, макаронины, а не руки – даже признаков бицепсов нет, как я ни пыжился. И физиономия поцарапанная, и фингал не сошёл. Не хотел бы я, чтоб меня та же Ленка сейчас видела. Да и Маришка, и Маленькая Эротика из нашего вагона... Что это я про девчонок думаю среди ночи, как озабоченный? На фиг они мне. В голове снова возникло:

Девочки и мальчики,
дуры и обманщики...

Я ещё раз осмотрел в зеркало как бы чужую физиономию. Попробовал себя успокоить: синяки мужчину украшают, то есть шрамы. Да, жаль, я Амбала в тот раз скалкой слабо долбанул. Если бы его отрубил сразу, не было б у меня синяка.

Я одевался и думал: скалка – это всё-таки не по-мужски. Да и бутылка – тоже. С ней я и в вагоне набросился на кудлатого певца, и сегодня – на этого мужичка. А если он и правда ментов вызовет? Хотя я этого не боялся, как мне казалось. Во-первых, наверное, я стал смелее – смелость, мне показалось, прямо распирала мне грудную клетку. Во-вторых, пьяный мужик вряд ли пойдёт жаловаться в полицию на пацана (хотя какой я пацан – метр восемьдесят ростом!). В-третьих, полицейские здесь, как мне хотелось думать, справедливые – вон на вокзале нас не тронули, всё рассказали, показали. Даже паспорт не спросили. На мыслях об этом документе, которым я втайне гордился, послышался осторожный стук в дверь душа:

– Сынок, всё нормально?

– Да, мам...

– Уже второй час ночи.

Я вышел из душа, одеваясь на ходу. Мама стояла в коридоре, ждала меня. Я огляделся – полицейских нет.

– Мам, что ты стоишь на холоде.

– Ты так долго был в душе, я начала беспокоиться.

– Что я, ребёнок?

– Да взрослый, взрослый. Иди уж, – она легонько подтолкнула меня в комнату.

Мама попыталась незаметно вынуть из кармана халата... пустую бутылку.

– Это что?

– Для самообороны, – пояснила она. – Это у нас семейное оружие.

Мы оба рассмеялись.

– Как там твои ласты, йог?

– Почему йог? – не понял я.

– Ну, по стеклу ходишь...

– А... Нормально, – сказал я, не слишком обращая внимания на саднящие ранки.

Мама, однако, обработала мелкие порезы йодом, заклеила пластырем.

– До свадьбы заживет, – оптимистично сказала она.

– Мам, завтра мы что делаем? – я как бы не услышал про свадьбу, но мне, озабоченному и гиперактивному, вспомнились девчонки – сразу все вместе: Маринка, Ленка и Маленькая Эротика.

– Отоспимся, потом надо к начальству больничному сходить.

– Сначала к папе.

– Сначала ты возьмешься за учебники, потом – к отцу.

– Мам, ты среди ночи про учёбу говоришь – это извращение.

– Не выражаться при матери! – нарочито сердито сказала она. – Ты вообще запустил школу.

– Не надо о грустном. Давай спать.

Во сне, который был не в стиле фэнтези, а очень реальный, я дрался! Крутыш, накачанный, ловкий, гиперактивный. И, конечно, справедливый. Дрался я за маму, потому что её несправедливо уволили с работы. Кажется, с директором их производственно-технической конторы. Не мог же я драться с тёткой, трескавшей лопушистые пирожки.

Потом я дрался за отца – с бандюками, которые покалечили папу, разбили его «уазик» и отжимают дачный домик с землей. С этими было очень трудно, но я справился.

Даже за деда Кирилла, которого я при жизни не знал, пришлось махать. На этот раз – с заведующим МТФ Трофимовичем, который довёл моего деда до разрыва сердца, а колхоз – до банкротства. Этот завфермой был настоящий боров! Огромный, толстый. Кулак как моя голова! Но я классно уходил от молота завМТФ. А он мне раз за разом подставлял свою челюсть. Короче, я его завалил.

Главное, вся эта махаловка происходила прямо на автобусной остановке в Перми, напротив верховного здания, где заседали депутаты и министры. Они, я знал, смотрели с высоты своих положений на этот захватывающий кинобоевик. Среди них был министр спорта. Он, скорее всего, распорядился, чтобы со мной начал работать самый лучший в Перми тренер по рукопашному бою – скоро надо будет защищать честь целого края. А тут такой самородок возник из поселка Лесостепного.

В толпе, которая смотрела, как я круто расправляюсь с негодяями, был и Амбал! Он больше всех радовался моим победам и кричал: «Давай, Кир, мочи их! Покажи, какие мы – лесостепновские!» Амбал, наверное, понимал, кто будет следующий и всячески показывал мне, что он мой лучший друг, а не только земляк.

– Тише ты, не ори! – цыкнул на него наш участковый товарищ майор. – Что раздухарился? Это тебе не Лесостепной. Здесь надо соблюдать порядок.

Я краем глаза заметил, что нашему участковому помогают соблюдать порядок молоденькие полицейские с пермского вокзала. Они сдерживали толпу болеющих за меня. Я не видел, но точно знал, что здесь и Маришка, и мой верный друг рыжий Дениска, и Звёздная Звезда Ленка. Теперь она убедилась, что у меня руки не макаронины, а настоящие рычаги.

– Константинович, хватит! – послышался голос мамы. Она меня по отчеству называла в особых случаях. Мама тоже была здесь – с отцом. Тот опирался на костыли, но готов был броситься на мою защиту. Хотя это было лишним.

– Пап, все нормально... Я сам! – крикнул я ему и тут же пропустил удар. Хотя не удар, а пощечину.

– Давай, вставай, Константинович! – легонько хлопала меня по щекам мама. – Целый день спишь. Уже скоро к отцу в больницу надо!

– Мам, ну что ты пристала... Не дала такой сон досмотреть. – Я нехотя возвращался в реальность. О, каким я крутышом был, как я всех раскидал! Жаль, это было во сне.

– Умывайся, одевайся, – скомандовала мама. – Сейчас идём к отцу в больницу.

3. Вот пришли к отцу: я и... две его жены

На проходной в медсанчасти был уже другой охранник. Он не обратил на нас ни малейшего внимания. А мне хотелось, чтобы он спросил:

– К кому?

– К отцу! – с гордостью ответил бы я и показал бы ему свой паспорт. Но напарник вчерашнего супергероя не взглянул на мою поцарапанную физиономию с фингалом.

Отец нас встретил с улыбкой. Мы принесли лесостепновские гостинцы: грецкие орехи, мёд. Ещё мама сварила фасоль. Оказывается, всё это вместе полезно при переломах.

Я, конечно, не стал уточнять, что орехи и мёд от дядьки Мишки. «С чего это вдруг от него подарки?» – задался бы вопросом отец. А я-то знаю: потому что зоотехник к маме равнодушен. Мне это конкретно не нравилось, и батю не понравилось бы. Может, он и не стал бы есть мёд с орехами от дядьки Мишки. А ему сейчас нужны всякие витамины, микроэлементы, что там ещё?

К поеданию этой полезнятины присоединился и старичок с соседней койки. Он нахваливал маму и заодно – меня.

– Молодцы, что приехали поддержать отца, – и тут же добавлял с уверенностью: – Мои тоже должны в выходные приехать.

Я помнил, что к деду никто не ходит, он сам говорит.

– Должны, конечно, и сын, и внук, – подбадривал батя. – Вот мои за три тысячи километров примчались.

Отец с теплотой посмотрел на нас с мамой. Мне показалось, что глаза у него повлажнели – я испугался за батин авторитет.

– Где остановились? – спросил отец у мамы.

– В общежитии.

– Хорошо отдохнули?

– Нормально! – поспешил я ответить вместо мамы. Хотя меня так и распирало рассказать отцу, как я зашугал пьяненького мужичка. Конечно, можно было бы и про крутой сон рассказать, где я всех негодяев нашей жизни отметелил. Ну ладно.

– Опачки! Картина маслом! – в проеме дверей появилась круглолицая девица. – Встреча блудной семейки!

– Жанна, ты? – отец несколько опешил. – Ты что здесь делаешь?

– Я-то мужа пришла проведать! – подбоченилась она и скривила в ухмылке жирно накрашенные губы. – А вот что эти здесь делают?

– Жанна, прекрати...

– Мы не «эти», – мама излучала спокойствие. – Законный сын-первенец приехал проведать отца. А я на твоего мужа не претендую, успокойся.

– Жанна, давай не сейчас, – отец пытался как-то разрулить ситуацию.

– Нет, сейчас... Что, наследство прибежали делить? – вытаращилась на меня набитая дура Жанка.

– Я приехал к отцу! И не собираюсь ничего делить. Он живой! – заорал я и тоже зло вытаращив глаза (насколько позволял синяк), попёр буром на Жанку.

– Ты что, неадекват? – опешила она и поспешила зайти за спинку кровати. – Уйми его, Константин... Этого бешеного глиста.

– Кирилка, ну давай по-нормальному, – голос отца, кажется, дрогнул.

– Хорошо, пап. Не волнуйся! – взял я себя в руки. – Но я не глист понятно! Не глист и... – у меня чуть не вырвалось «и не заморыш». Но понял, что это лишнее – тут меня заморышем никто не называл.

– Сынок, пошли... – Мама взяла меня за руки и повела из палаты. – У них тут семейное.

– Да вы приходите, – вставил свои пять копеек дедок с соседней кровати. – Милые бранятся – только тешатся.

– Кирилл, я тебя жду завтра, – подтвердил отец. – Всё будет нормально!

Мне не понравилось, что отец обращался только ко мне.

– Хорошо, пап! Мы завтра с мамой придём! За тобой же уход нужен.

– Давай, давай! – выметающим жестом показала Жанка на дверь.

– Папка, ну почему ты мамку на такую дуру променял? – сорвалось у меня на выходе из палаты.

– Кирилл! Прекрати! – это мама на меня прикрикнула и вытолкнула в коридор.

– Давай, давай, – повторяла Жанка своё.

– Жанна, зачем же ты так? – примиряюще сказал отец своей дуре. Это я слышал из коридора.

Навстречу нам шёл вчерашний врач, но без халата. Потому мы его с трудом узнали.

– Здравствуйте, – не очень уверенно сказала мама.

– Добрый день... Вот хорошо, что я вас встретил, – доктор остановился. – Меня зовут Виктор Ильич, я лечащий врач Константина.

– Очень приятно. Я – Ирина Кирилловна, – достойно так ответила мама.

– Пройдемте в ординаторскую, там поговорим... Понимаю, встреча жен, бывшей и настоящей, малоприятная ситуация.

– А вы откуда знаете?

– Сейчас поясню! – Мы вошли в ординаторскую. – Честно скажу вам, вчера был озадачен, когда вы появились. Да ещё из такого неоднозначного региона прибыли. Навёл справки о семье больного. Медсестра позвонила на телефон официальной жены, чтобы прояснить ситуацию.

– Понятно, – вздохнула мама.

– Вот, прояснили... Слышал ваш крик, понял, что надо вмешаться.

– Это не наш крик, – с достоинством подчеркнула мама.

– Ну как же... – доктор хитро взглянул на меня. – Но сейчас не об этом. Константину придётся ещё долго лечиться. За ним нужен уход.

– Мы за этим сюда и приехали...

– Да, конечно. Но тут эта женщина. Судя по всему, барышня употребляет. С такими иметь дело, знаете ли... – и резко перевел разговор: – Как вы обустроились? Надолго ли в Пермь?

– Обустроились нормально. Надолго ли? Время покажет.

– Вы не рассматриваете вариант поработать у нас санитаркой? – Врач поспешил объяснить: – За Константином, я ж говорил, надо постоянно

ухаживать... А санитарок у нас хроническая нехватка. Завотделением будет только «за».

– Я не готова ответить.

– Мама инженер, у нее высшее образование, – уточнил я.

– Понимаю... Но это временно, до выздоровления. А там, если в Перми задержитесь, подыщите работу по специальности. У нас много предприятий, хотя сейчас и кризис.

– А эта психичка что, тоже будет сюда приходить? – со злобой спросил я про папкину нынешнюю жёнку.

– Ну... Мы не можем запретить официальной жене, – развёл руками врач. – А ты, кстати, со школой определился?

– Все нормально, – с некоторым вызовом сказал я, помня, что наша классная да и директриса Лесостепновской школы сделают «всё как надо».

– У меня жена работает в вечерней школе, – обратился он уже к маме. – Вам бы устроить парнишку туда.

– Пожалуй, это вариант, – согласилась мать.

– Запишите адрес и телефон. Людмила Васильевна жену зовут, русский и литературу преподает, – уточнил Виктор Ильич. – А насчет санитарки подумайте.

– Хорошо. Ну, мы пошли?..

– Да, конечно. Вам лучше на служебном лифте. Я вас провожу

Лифт распахнулся. Я сразу вспомнил, что вчера здесь столкнулся с мертвецом. Перед глазами пронеслась эта же картинка, но в стиле фэнтези. Мне даже интересно стало, а вчера я реально испугался, что это мог быть отец. А он вот – живой и со своей... как это помягче сказать.

Лифт нас с мамой поглотил и отправил на первый этаж.

4. Через Каму – к Параскеве и в вечерку

Мы вышли из больницы молча. Я был злой и растерянный.

– Мам, куда мы сейчас?

– Не знаю, – сказала она отрешённо, потом устало добавила: – Ты ведёшь себя безобразно. Бросаешься на людей, орёшь...

– Мам, а чего она припёрлась? Чего обзывает глистом? – ответил я ей, хотя сам понимал, что меня заносит на поворотах. Или моя гиперактивность так проявляется?

– Ты рассуждаешь, как ребёнок, – сердилась мать. – У отца своя семья.

– Мы к нему через полстраны мчались!

– Да, но мы – бывшая семья... Отцу сейчас непросто. Не забывай, он прикован к постели.

– Это мой отец, а я его сын. А он – с этой прошмандовкой...

– Кирилл, что за слова!? Ты вообще потерял берега. Так, – решительно сказала она, – сейчас едем в вечернюю школу.

– Зачем спешить?..

– Сам-то за учебники разве возьмёшься?

Мы пошли на остановку, я всё переваривал ситуацию. Врач вызвал папкину непонятную жёнку. Зачем, спрашивается? Мать ведёт себя как-то не так. А как она должна была поступить? Наброситься на Жанку? Ещё эта школа, на фиг она сдалась...

К вечерке, как нам объяснили, надо было добираться через КамГЭС. Желаящих ехать по этому маршруту оказалось много. Автобус подошёл уже набитым. Толпа нас буквально внесла внутрь.

– Мам, ты здесь? – с тревогой почти прокричал я.

– Да, здесь, Кирилл, едем!.. – Я слышал мамин голос, но её саму не видел. Масса пассажиров на очередном повороте надавила на меня так, что я почувствовал себя окончательным заморышем – едва дышал. Мне пришлось поработать локтями и пробиться к окну. Здесь вздохнул полной грудью. Как раз проезжали по мосту через плотину КамГЭС. Я офигел! Бушующая масса воды, шипучая пена, дикие водовороты! Это было круто и страшновато – вдруг автобус туда сорвется?! Вот она Кама, которая впадает в Волгу! Или прямо в Каспийское море?

– Мам, ты как там? – окликнул я, оторвав взгляд от завораживающего водопада.

– Нормально, Кирилл, – ответила она. – Нам бы остановку не прозевать, – и обратилась к пассажирам: – Не подскажите, как лучше до вечерней школы добраться?

– Ещё далеко.

Я, если честно, хотел, чтобы мы не доехали до этой школы или проехали... В общем, чтобы её не нашли.

Но мы доехали до нужной остановки. Шли через березовую рощу. Мама вдруг стала тихонько напевать:

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься,
От истоков струишься отеческих,
Меж камней-валунов извиваешься.

– Это на тебя Кама повлияла? – спросил я с улыбкой.

– А ты не подслушивай, – улыбнулась мама. – Вон, смотри, красота какая! Аж дух захватывает и кружится голова.

– Может, это от йододефицита?

– Нет, от красоты...

Я вспомнил о своей будущей ореховой аллее, которая не только для красоты, но и от йододефицита... Конечно, если сравнивать березовую рощу и мою будущую ореховую аллею, то сравнение не в мою пользу. В связи с аллеей возник образ Маришки. Правда, тут же появилась самозванка – Звёздная Звезда, а потом – Маленькая Эротика. Ну блин, какой-то я озабоченный. Мне стало стыдно – отец лежит прикованный к постели, а мне девчата мерещатся. На этом фоне я как бы простил батю за его придурковатую Жанку и предпринял последнюю попытку не пойти в школу.

– Мам, а какой смысл в вечерку идти? Три недели до конца учебного года. В Лесостепновской школе в 9-й класс меня и так переведут.

– Думаю, мы в Перми задержимся. Так что ты не восьмой класс здесь будешь заканчивать, а готовиться в девятый. Ты же мечтал в военный институт поступить, стать офицером.

– Ну мечтал, – признался я, уже готовый отказаться от мысли стать военным, лишь бы сейчас не идти в школу. Мне и учиться не хотелось, и в новый коллектив, если честно, я побаивался идти. В вечерке всяких хватает – типа нашего Амбала.

– Надо, чтоб отец поднялся на ноги, – продолжала мать. – Исполним свой долг, а там будет видно.

Я знал, как мать будет исполнять долг. Это – не допустить на ба-
тином костлявом теле пролежней, выносить судно из-под него и всё
такое. Я мамкой в душе гордился, не каждая бывшая жена – вот так.

Мы минули рошу, и перед нами возникла... церквушка. Небольшая,
ладная такая, из желтого кирпича.

Мама неумело, но как-то утверждающе-размашисто перекрестилась.

– Церковь Па-рас-кевы великомученицы, – с трудом прочитал я. –
Кто такая эта Па-рас-кева?

– Не знаю... Но понятно, что великомученица.

– Наш поп из Троицкой церкви, наверное, знает, – предположил я.

– Не поп, а батюшка...

– Ну да... Вообще он крутой мужик, говорят, в горячих точках бы-
вал. – Я вспомнил, как мы с рыжим Дениской работали на Троицкой
церкви. – Наша-то церковь намного больше!

– Не в размерах дело, – сказала мама. – Хотя тут под Пермью, я слы-
шала, есть огромный храм – Белогорский монастырь. Не сравнить с
Троицкой церковью

– А, да!.. Дедушка рыжего Дениски оттуда елочки привозил в нашу
Троицкую церковь.

– Ну вот, видишь... Может, когда-нибудь туда съездим. Всё
утрясётся...

– Интересно посмотреть.

Мы нашли школу. В коридоре нас встретила миловидная женщина:

– Здравствуйте! Я Людмила Васильевна. Муж звонил по вашему
поводу.

– Мы только узнать, как и что...

– Пусть вас не смущает, что школа вечерняя. У нас даются достаточ-
но глубокие знания.

– Да мы, честно говоря, звёзд не хватаем, – выложила мама обо мне
правду.

– Ничего страшного. Здесь контингент, конечно, отличается от обыч-
ной школы. Люди разные. Но многие к учебе относятся серьёзно.

– Нам бы восьмой класс окончить.

– Конечно, окончите! И восьмой, и девятый, и одиннадцатый, – с
энтузиазмом пообещала учительница. – Кстати, буквально сегодня
утром мы с мужем поехали на мебельную фабрику, диван присмо-
треть. А там начальник цеха наш выпускник. Владимир Сергеевич,
фамилия такая замысловатая. Он, кстати, из вашего неоднозначного
региона.

– Наш регион однозначный, – с улыбкой уточнила мама.

– Да, конечно. Я вот о чём. Паренёк этот работал простым грузчиком
на заводе «Камкабель». Помнится, пришёл с ночной смены и сразу – на
экзамены! Писал и засыпал! Но ведь сдал ЕГЭ! Потом поступил в сель-
хозакадемию. Вот теперь начальник цеха...

– А что, в сельхозакадемии учат диваны выпускать? – съязвил я и тут
же угас. Людмила Васильевна ласково так посмотрела на мою исцара-
панную физиономию с фингалом и сказала:

– Это приличный государственный вуз, где даются базовые знания.
А уж как там сложится жизнь...

– Кирилл, не умничай, – одёрнула меня мать. – Когда ему в школу?

– Завтра пусть и приходит, не надо откладывать. Я классный руко-
водитель в восьмом классе. А вы параллельно собирайте документы:
заявление, копию паспорта, медсправку...

Мы вышли из здания школы, я лично – расстроенный: заканчивается моя свобода.

– Ну, сын, теперь в общежитие.

– А ты помнишь ночного гостя?

– Ещё бы... Только он не гость, а хозяин. Нужно разобраться с ночлегом. Да и с жильём на лето, по крайней мере.

Так, значит, мама согласилась поработать в медсанчасти санитаркой, сделал я вывод. Ночной визит пьяненького хозяина, разбитые бутылки и придурковатая папкина жёнка Жанка остаются за кадром. Пошли они на фиг!

5. Мы нашли ночлег, до этого неожиданно стали...

землевладельцами

Возвращались из вечерки поздно. Автобус был полупустым. Плотины КамГЭС, залитая огнями, была похожа на морской лайнер.

– Как «Титаник», – сравнил я.

– Почему «Титаник»?

– Мощно и красиво! Как будто сейчас развернется и поплывет по Каме.

– Фантазёр! «Титаник» плохо кончил...

По фильму я помнил, что лайнер затонул, но другие названия кораблей на ум мне не приходили.

– А ты знаешь, что Ди Каприо по происхождению пермяк? – спросила мама.

– Это который в «Титанике» снимался?

– Ну да. Бабушка у него пермячка.

– Вот... Все корабли плывут из Перми, – сумничал я. – Лично мне этот Ди Каприо не нравится. Мелкий какой-то и сам как фантик. – Я невольно распрявил плечи и с высоты своих ста восьмидесяти сантиметров посмотрел на воображаемого Ди Каприо. На его фоне я казался вовсе не заморышем! Представил себя накачанным, гиперактивным суперменом из голливудского боевика. Тут у мамы зазвонил телефон.

– Галя, ты, что ли? Привет! Быстро говори, я в роуминге. Электронку, говоришь, проверить? Хорошо. Всё, пока!

– Mam, это тётъ Галя?

– Да, какое-то важное письмо прислала. Как бы электронную почту посмотреть?

– Зайдём в интернет-кафе? – Автобус как раз остановился недалеко от него.

– Ну да! Ещё мы с тобой по значным местам не ходили.

– Там можно и перекусить, – я, как всегда, хотел есть.

Кофе и соки в интернет-кафе оказались безобразно дорогими, а посетители, в основном мои сверстники, какими-то зомбированными. Все рубились в стратегии и «танчики». Мы взяли просто воду. У меня аппетит только разыгрался – с утра не ели, считай.

Мама быстро зашла в свою электронную почту, начала читать письмо от тётъ Гали.

«Ирина, привет! Как обустроились, как Константин? У нас новость. Помнишь, Мишка-зоотехник и ещё там бывшие колхозники судились с Трофимовичем? Он же обанкротил колхоз и землю присвоил. А новый

губернатор сказал: земля должна принадлежать тем, кто на ней работает. Так вот, суд эти ребята у Трофимовича выиграли. Теперь все, кто в колхозе работал, получают свои пай. В зависимости от стажа. Я видела список. Ты там есть. За отца своего – дядю Кирилла – получаешь надел земли, даже Косте что-то положено. Он же работал раньше трактористом в колхозе. Нам, медикам из амбулатории и учителям из школы, тоже выделяют пай. Теперь вы землевладельцы ☺ Вчера было собрание пайщиков. Мишку избрали председателем сельхозкооператива. Вот такие новости. Маришка передаёт привет Кирилке. Он что-то не отвечает на эсэмэски. Пока!»

– Ну, ты понял, сын? – обратилась ко мне мать.

– Не совсем...

– Читай еще.

Я перечитал:

– Ну как бы да, понял. Дядька Мишка-скотовод становится председателем вместо Трофимовича.

– Дядя Миша – зоотехник, – поправила она. – Да, но это не главное. Нам пай земли выделили. Это твой дедушка о нас заботится. Уже нет в живых его столько лет, а заботится. – Мама заплакала.

– Mam, ну перестань...

Мы вышли из интернет-кафе, в магазине купили хлеб и майонез.

– Давай, сын, здесь перекусим. Непонятно, будем ли мы в общаге сегодня ночевать или нет. Да, – вздохнула мать, – надо было всё-таки сначала с ночлегом уладить, а потом в твою вечерку.

– Конечно! В школу мы успели бы, – с удовлетворением согласился я. – Это ты, мам, придумала: типа целую неделю учебники в руки не брал...

– Ну да, если б неделю. Ты их месяцами не раскрывал.

– Ма, опять начинаешь. Давай лучше похаваем.

– Кирилл, следи за речью!

Мы расположились прямо в скверике перед общежитием на сырой скамейке. К ней подступала лужа, похожая на лужу безденежья из моего детства. Поели. Мама стеснялась, смотрела по сторонам и явно не ощущала себя землевладелицей. А я трескал с аппетитом и не шугался – нас никто здесь не знает.

Пошли в общагу. Комендантша высунулась из амбразуры своей берлоги:

– А я вас жду...

– Здравствуйте, – сказала настороженно мама, я промолчал.

– Ну что, ночь бурная была? – угрюмо хихикнула комендантша. – Кто ж знал, что этот придурок из своей деревни так рано вернется. Запой у него по неделе длятся, а тут...

– А я завязал с этим делом. Теперь только пиво! – неожиданно возник возле нас ночной визитер. – Посмотрим ещё, кто придурок!

– О!.. Ты, Васька? Явился не запылился, – недовольно сказала комендантша.

Васька, мужичок лет под сорок, был трезвым. Мы встретились взглядами, я понял, что даже при моём росте, если что, с ним не справлюсь. А под рукой у меня ничего увесистого не было. Я напряг свою волю, которая все также виделась мне наподобие бомжа. Волнение не проходило, я прямо ощутил себя спутанным пуповиной по рукам и ногам – это был страх. Я ненавидел себя за это ☹

– Давайте решим вопрос спокойно, – предложила мама.

– Я как раз хотел ещё ночью его спокойно решить, – сказал Васька. – Это же вы в мою комнату пришли, а не я к вам.

– Васька, ты права не качай... Не такая она уж и твоя, эта комната, – уточнила комендантша. – Лучше порешаем, где женщине с ребёнком переночевать.

– Я с дамами всегда вопросы решаю взаимовыгодно, – расплылся в противной улыбке Васька.

– Ой, решала несчастный, – пренебрежительно махнула рукой комендантша. – Ты видишь, у неё сын какой! Знаю уже про ночные приключения. Тоже мне, решала...

– Ну, ты не особо... Срубил бабки с людей, а теперь выкручиваешься.

– Ладно, давайте определимся, – спокойно сказала мама. – Если ночуем здесь, мы пошли, а вы разбирайтесь сами. Если нет – мы собираем вещи и до свидания. Только деньги верните.

– Там тех денег... Только и разговора. Вася, ну будь мужчиной. Пусть люди переночуют. Потом с тобой разберёмся.

– Я всегда готов решить вопрос. Найду, где ночь перекантоваться.

– Вот, Вася, и правильно. Как раз помириться со своей лахудрой. Иди к ней.

– Это не твоего ума дело, – огрызнулся Вася и пошёл в другое крыло общежития.

«О, лахудра. Именно так я буду звать Жанку, батину жёнку, – решил я. – Пусть отец хоть обижается, хоть нет».

Мы с мамой отправились по гнусному коридору к своему ночлегу. Через окно на лестничной клетке я увидел залитую огнями КамГЭС, уже не похожую на «Титаник».

6. Васька пришёл... с полицейским: мы из неоднозначного региона

Отомкнули Васькину комнату. Мне показалось, что здесь уже похозяйничали:

– Наверное, Васька, – предположил я

– Это ж его комната, ключ-то есть.

– Ничего не пропало?

– А чему у нас пропадать?

– Ну да, мы как бомжи, украсть нечего.

– Вот завтра надо и решать что-то с временной регистрацией, с работой, с твоей школой...

– Вечерка ещё не моя, – парировал я и мысленно унёсся именно в свою школу – Лесостепновскую. Её я, честно говоря, не любил. Но интересно, как там сейчас? Что говорят? Может, всё ещё про то, как мы с Амбалом схлестнулись? Я осторожно ощупал синяк под глазом.

– Скоро сойдет, не волнуйся! – успокоила мама.

– А я не волнуюсь... Мне по фиг, – сказал я нарочитым басом. Хотя, конечно, с синяком, даже отцветающим, было не по кайфу. – Mam, завтра мне симку купим? А то я как лох последний... Сто лет телефон не работает.

– Купим. Вон Галина написала, что Маришка тебе эсэмэски шлёт.

– Причём тут Маришка? Я с пацанами не могу переписываться. Как там Дениска? Может, Амбал на него наезжает?

– А чем ты можешь помочь? Тут, думаю, надо будет с местными Амбалами разбираться.

Как раз в этот момент вежливо, но настойчиво постучали. Мы с мамой притихли. Ещё стук.

– Откройте! Это я – Василий.

Мы молчим. Василий попытался засунуть в замочную скважину ключ. Но мама предусмотрительно оставила в дверях свой ключ изнутри.

– Откройте, я же знаю, вы здесь! – Василий стал стучать в дверь настойчивее.

– Что вам надо? Мы уже легли спать.

– Это делу не помешает.

– Идите с богом, Василий.

Мать подошла к двери, механически обследовала пальцами вмятину от бутылки, которую я запустил прошедшей ночью, отпугивая незваного гостя. Сейчас я понимал, что возможности повторить свой ночной подвиг нет. Бутылки под рукой не было, к тому же, оказывается, мы поселились в комнате Василия. Да и у меня что-то запал исчез, вот опять заморышем себя почувствовал, воля моя сдулась, смелость скукожилась. Вдруг подумалось: был бы у меня брат, пусть на год младше, мы с Васькой влежку бы справились.

Мама глянула на меня, наверное, я имел очень жалкий вид, потому что она заплакала:

– Господи, ну что за напасть такая? Когда же это всё закончится?

– Да не реви, дура! – мирно сказал Василий. – Я за простынями чистыми пришел. Там, в шкафу лежат. Дай, и я пойду.

– Точно?

– Да точно, точно...

– Василий, давайте я вам их в окно выброшу. В пакете.

– Ну что за бред!

– Ладно, сейчас, – согласилась мама.

Я взялся за спинку стула так, чтобы при необходимости применить его как орудие самообороны. Воля моя встрепенулась, сердце – вроде как стальным стало. Или это нервы стальные? Мама глянула на меня с надеждой и повернула ключ. В проёме двери возник... полицейский! За ним был Василий. Мы с мамой отшатнулись!

Полицейский как-то представился. Я не расслышал, меня колотил мандраж, но стальное сердце противилось этими вибрациям.

– Ваши документы! – Пока мама искала свой паспорт, Василий покопался в шкафу и действительно извлек оттуда белье.

– Я же говорил, мне простынь чистая нужна. Видишь, я из-за вас по чужим углам скитаюсь. А там принимают со своим харчем и со своим бельём.

– Так, а твои документы? – обратился ко мне полицейский. Я вынул спасительный, как мне казалось, паспорт. Участковый изучил его, потом мой фейс. – Что с лицом?

– Пчела укусила...

– А я думал, дрова рубил.

Мама дала свой паспорт:

– Вот, пожалуйста... А с сыном так случилось, товарищ лейтенант, – потерянным голосом сказала мама.

– Ну, я пошёл, – сказал Василий и удалился с бельём.

– Понимаете, сейчас отовсюду мигранты едут, – объяснял полицейский. – Мы обязаны отслеживать процесс, паспортный режим. Вы вот из неоднозначного региона...

– Да из однозначного региона мы, товарищ лейтенант. Я уже сегодня третий раз слышу – неоднозначный регион. У нас там все нормально.

– А цель приезда?

– Отец его в больнице лежит. Не встает пока, в аварию попал. Приехали проведать и поухаживать.

– Отец его? – полицейский показал взглядом на меня. – А вы – мать? Как это?

– Просто... Его отец – мой бывший муж.

– А, понятно. И вы, бывшая жена, приехали за ним ухаживать?

– Ну да. Мы разошлись давно, но всё равно он близкий человек.

Отец моего сына.

– Бывает же, – удивился лейтенант. – Бывшая жена и вот так... – Потом, спохватившись, добавил строго: – Вам в ближайшее же время надо временно зарегистрироваться. Есть у кого?

– Да, есть. – поспешил я. – Начальник мебельного цеха наш земляк.

Он нас у себя пропишет.

Мама вопросительно на меня смотрела.

– А как зовут его? – спросил лейтенант.

– Владимир Сергеевич.

– Проконтролируем... Вы же понимаете, что вас в чужую комнату заселили?

– Да, конечно, мы завтра же съедем отсюда, – заверила мама, ещё не зная, куда нам утром податься.

– Проконтролируем, а то ведь нарушение паспортного режима! – Полицейский ушёл.

– Всё, спать! – скомандовала мама. – Завтра сложный день.

Не знаю, на нервной ли почве или по устоявшейся привычке, но я страшно захотел жрать.

– Мам, там у нас перекусить ничего не осталось?

– Кирилка, на ночь глядя...

– Растущему организму надо.

– Вот немного орехов осталось, которые отцу передавали.

– Это дядь-Мишкины, – как-то неуверенно сказал я.

– И что с того?

– Теперь он председатель колхоза, – произнес я со скрытой завистью.

– Ну, точнее, кооператива... Ты это к чему?

– Он же замуж тебя звал.

– Время нашёл о моем замужестве говорить, – нахмурилась мать.

Я расколол орех, жевал и думал: «Вот мама выйдет замуж за председателя, а отец может так и остаться инвалидом. Несправедливо. С другой стороны, у бати же есть жёнка, эта лахудра Жанка».

– Мам, мы же не уедем, пока отец не поднимется?

– Я же тебе уже сказала, пока на ноги не станет... А там – по обстоятельствам. Видишь, тебя вот обвиняют, что наследство делить приехал. Может, ещё родственники у папки твоего объявятся. Раньше их было много...

Я затравил голод, вспомнил о проросших орехах у нас на подоконнике. Маринка их высадила в палисадник. Представил ореховую «аллею Кирилла» и понял: туфта всё это. Чтоб она выросла, лет десять надо.

С такими мыслями и заснул. Я знал, что мне в очередной раз приснится отец с мамой и со мною – трёхгодовалым. Буду взбираться по лестнице, у которой нет перил, а на балконе (или постаменте) будет стоять Звёздная Звезда Ленка, а может, Маришка или, допустим, Маленькая Эротика. Но... мне этот сон не приснился.

7. Ксения – это не Маленькая Эротика, я обознался

Наконец-то выпалились нормально. В дверь никто не ломился, полиция не приходила. Сны мне тревожные или дурацкие не снились. Но утро было дождливым и полуголодным. Я смотрел в слезящееся окно и злился на себя, что снова хочу есть. Хлеб с майонезом плюс чай как-то не сильно заглушили голод. Маме, конечно, я ничего не сказал, она и так комплексует, что деньги неожиданно быстро заканчиваются и что мне нечего дать поесть. У нас оставались ещё фасоль и орехи от дядьки Мишки-зоотехника.

– Сынок, ну это отцу, сам понимаешь...

– Конечно, мам! – обрадовался я её решению. Потому что после вчерашней стычки с Жанкой, батиной жёнкой, мама имела моральное право о бывшем своём муже вообще и не заботиться. Она как будто слышала мои мысли.

– Кирилл, пока он болеет, пока на ноги не встанет, мы будем за ним ухаживать. Что бы то ни было...

– Мы сейчас в медсанчасть, к отцу?

– Ты к отцу, а я всё-таки попробую найти этого парня – нашего земляка, начальника мебельного цеха.

– Владимира Сергеевича, – уточнил я.

– Да, только с утра симку надо купить. Позвонить твоей новой клас-ной Людмиле Васильевне, узнать, где этот мебельный цех.

На том и решили. Мама сварила полезную для батиных переломов фасоль, я наколот орехов. Между косяком и дверью закладываешь орех и – хрясть! Я не съел ни ядрышка – отцу нужнее.

Вышли на улицу под морозящий дождь. Симку хотели купить пока только маме – ей нужнее. Но она, посчитав денежку, решила и мне сделать подарок.

– А то ты как в ссылке. Хоть эсэмэски будешь писать своим друзьям.

– Спасибо, мам. Дениску рыжего надо спросить, как он там... Амбал его, наверное, забодал.

– И Маринке напиши, – улыбнулась мама и торжественно распахнула дверь салона сотовой связи.

– Ну, посмотрим, – как бы нехотя согласился я насчет Маришки и подошёл к окошку, где не было очереди.

– Ваш паспорт, молодой человек, – сказала девушка, собравшаяся заполнять нужные бумаги. На бейджике значилось: консультант Ксения. Но удивительно было другое. Мы встретились глазами, и... я узнал в ней Маленькую Эротика из нашего вагона. Это она меня обозвала неадекватом.

– В чём проблема, молодой человек? Ваши документы, – дежурно улыбалась Маленькая Эротика.

– Вот! – поспешил я сунуть ей паспорт, который как раз и подскажет ей, что я тот самый неадекват из неоднозначного региона, как здесь говорят.

Она внимательно изучила мою физиономию – поцарапанную, с не сошедшим синяком. Сверила с фото на паспорте и начала заполнять бумаги.

Консультант салона сотовой связи – конечно, звучит красиво. Но тогда она, Маленькая Эротика, была из фолк-группы.

Я осмелел:

– Вы меня узнали? Я Кирилл из вашего вагона.

– Мы всех клиентов нашего оператора узнаем, – улыбнулась консультант Ксения, – но у нас салон, а не вагон.

Я понял, что это не Маленькая Эротика. У Ксении, как я мог видеть, эротика была средних размеров, а у вагонной попутчицы – маленькая. У меня по-дурацки ёкнуло сердце. Блин, это моё мягкое сердце – поэтому я ни одну девчонку не могу забыть. Но первая на «удаление» – Ленка, решил я.

– Кирилл, ты уже оформил? – мама стояла рядом.

– Сейчас, мам, сейчас...

Мать позвонила Людмиле Васильевне – моей новой классной. Уточнила адрес мебельного цеха, где наш земляк начальником. Оказалось, на Изоляторном. Странное название, удивился я. Изоленту, что ли, там делают?

– Ну, Константинович, я на этот самый Изоляторный, а ты – к отцу. Потом созвонимся. У тебя сегодня первый день в новой школе.

По отчеству она меня называла, когда предстояло что-то важное. Конечно, и проведать отца, и пойти первый раз в новую школу – это важно.

– Хорошо, – согласился я, хотя к батюшке одному мне идти не хотелось, а в школу не хотелось ни одному, ни с матерью.

– Вот пакет для отца возьми. Здесь орехи и фасоль варёная.

Мама уехала, а я побрёл сквозь морось в сторону медсанчасти. На проходной стоял супергерой в черном.

– Здравствуй, я к отцу.

– Привет, понял, – он записал что-то в журнале. – А к отцу твоему пришла жена, имей в виду. Минут двадцать назад отметил её в журнале.

– Упс, – не ожидал я. Меня одолели сомнения: идти к батюшке или не идти?

– Ты что зависишь? Не мохай, ты ж к отцу своему идёшь, а не к ней, – развеял мои сомнения охранник, как будто подслушав мои мысли.

– Конечно, пойду... Вот надо ему передать кое-что.

Я решительно шёл к больничному корпусу и думал, кто роднее для батюшки: я или лахудра Жанка? Конечно, я! Я его сын, я его кровь! Все гены отца мне передались – рот, нос, уши, глаза. Я невольно ощупал свой фейс – с царапинами и синяками, как бы убедился, что похож на отца. Я такой же худой и длинный, наверное, тоже дефицит веса. А кто она такая, эта Жанка?

В коридоре встретил давешнюю санитарку, которая меня на служебном лифте первый раз отправила на третий этаж.

Мама, когда мы собирались – я к отцу, она за пропиской, – предусмотрительно сунула мне в карман больничные бахилы. Халат висел возле лифта. Решение созрело быстро. Я ткнул кнопку лифта и с некоторой тревогой ждал, когда он распахнется. А вдруг там снова мертвец?

Лифт оказался пустой, он шумно захлопнулся, и замкнутое пространство снова заставило меня подумать, что вчера здесь спускали покойника. А может, уже и сегодня.

Лифт быстро поднял меня на нужный этаж и распахнулся. Я поспешил выскочить, ощутив холодок на спине.

– О, помощник, – равнодушно сказала уже знакомая санитарка, направлявшаяся в палату к отцу. – Вот сейчас папку твоего будем приводить в порядок.

– Здрасьте. Конечно, приведем в порядок, – согласился я, увидев в её лице союзницу. Мне наверняка предстояло столкнуться в палате с Жанкой, и я рассчитывал на поддержку санитарки.

Но из головы всё не выходила Ксения, которая была очень похожа на Маленькую Эротику. Вообще-то не хотелось бы, чтоб та и другая видели меня, выносящим судно с содержимым. Да и Звёздная Звезда точно нос воротила бы, а может, даже и Маринка. Хотя нет... Маринка нормально бы отнеслась. Тем более, это же отец мой болеет.

8. В Жанку я запустил судно, отцу сказал про земельный пай

С мыслями о девчонках я вошёл в палату вслед за санитаркой. Жанки не было. И папиных соседей по палате – тоже. Отец не шелохнулся. Его заостренный профиль подчеркивал крайнюю худобу, и я испугался: вдруг он умер!

– Пап! Все нормально?

Отец с трудом повернул голову в мою сторону, открыл глаза. Было видно, что ему плохо. Санитарка поняла по-своему.

– Давай судно, – сказала она. Все вместе мы справились с этим делом. Я взял судно и понёс в сторону туалета. Возникали дурацкие мысли: сколько фильмов я пересмотрел, даже несколько книжек прочитал, а все герои там обходятся без этого дела. Даже по пять суток без сознания лежат, а потом встают и все нормально. Папка не герой фильма, он просто живой, но больной человек. И нет ничего позорного, что я ему помогаю, – успокаивал я себя. С этими мыслями и с судном в руках в коридоре я столкнулся с... Жанкой.

– О, ты свою порцию наследства получил! – зло засмеялась она.

– Пошла вон, лахудра, – вырвалось у меня. Я едва сдержал себя, чтобы не выплеснуть содержимое на Жанку. Она отскочила.

– Дебил полный, – уже с безопасного расстояния крикнула она мне.

Когда я вернулся в палату с пустым судном, Жанка помогала санитарке обтирать отца. При этом говорила:

– Костя, я была у адвоката. Нужно постараться задним числом оформить землю и дачу на постороннее лицо, чтоб у тебя это не отобрали по суду.

– Аня, давай об этом не сейчас, – с трудом выдавил отец.

– А когда? Они уже приходят и грозят мне! Тебе наплевать, что со мной будет.

– Ничего не будет, уезжай к матери в деревню.

– Они землю у тебя отождмут, ты же беспомощный.

– Он не беспомощный! – зло крикнул я.

– Сынок, успокойся. Все нормально.

– Наследничек нашёлся, – хмыкнула Жанка и демонстративно бросила влажное полотенце на впающую грудь отца.

– Да побойтесь Бога, – строго сказала санитарка.

– Мне нечего бояться! Пусть они боятся. Два заморыша, – Жанка отступила на безопасное расстояние – к двери. Так меня здесь ещё никто не называл, да к тому же и отца! Я сильно психанул и... запустил пустое судно в Жанку. Та успела выскочить за дверь и захлопнуть её. Санитарка схватила меня за локоть:

– Ты что, звезданулся, что ли? – кричала она. Забрав влажное полотенце и посудину, санитарка удалилась, продолжая возмущаться: – Вот дебилов развелось!..

– Кирилл, что ты творишь? – Отец привстал на локтях.

– Пап, извини, я не хотел, – сказал я правду. Наверное, это детская гиперактивность кесаренка выстрелила быстрее, чем я успел подумать.

Вторая моя встреча с отцом не заладилась, как я понял. Хорошо, что мамы нет.

Мы молчали оба. Я думал, о чём заговорить с отцом, а он – о своём. Наверно, я ему надоел своими выходками.

– Пап, мы тебя с мамой напрягаем?

– Нет, не напрягаете. Я вам рад.

Мне хотелось оправдаться за свою дурацкую выходку, но слов не находилось. В поисках поддержки я обернулся в сторону кровати дедка. Ну да, мы же в палате одни. Как-то сначала я не придал значения.

– А где все, пап?

– Двоих перевели в другие палаты – пошли на поправку, а дед умер.

– Как умер?

– Не знаю. Проснулся, а его уже выносят.

Я вспомнил свои ощущения, когда недавно ехал в лифте – предчувствовал, что здесь сегодня покойника везли.

– А сын знает?

– Не было у него ни сына, ни дочки, ни внука. Санитарка так сказала.

Вдруг мне постыдно захотелось плакать. Я вспомнил о бойцовском характере и подавил это позорное желание, почти крикнув:

– Папка, а у тебя сын есть, я есть!

– Ну конечно, сынок!

– Пап, давай перекусим, – вдруг перевел я тему. – Мама тут что-то из фасоли целебное для твоих костей придумала.

– Давай, если целебное, – улыбнулся отец. – Только вместе с тобой.

– Пап, мы уже завтракали.

– Кирилл, меня-то с утра покормили. Хоть казенная пища, но калорий хватает. Давай за компанию.

Я не сильно сопротивлялся, пришлось есть мамину целебную фасоль. Как-то не заметил, что почти всю сам её и съел. Это меня смутило, и я как бы в оправдание выдал:

– Пап, мама сейчас поехала на Изоляторный земляка нашего искать, чтобы временную прописку оформить.

– Хорошо...

– Потом она будет устраиваться сюда санитаркой, – продолжил я «выдавать семейные тайны».

– О как! Не ожидал...

– Мама говорит: пока отец на ноги не встанет, мы не уедем. Это ей наш поп так сказал.

– Ваш поп? Что, в Лесостепном есть церковь?

– Да, пап, есть... Её уже почти построили. – Я хотел рассказать, как мы с рыжим Дениской помогали на церкви, но потом сдержался, только добавил: – Служба пока идет в подвале. А поп, то есть батюшка Артемий, в горячих точках был.

– А что это мать такая боговерующая стала?

– Вот придёт, спросишь у неё сам. А эта твоя Жанка когда к тебе приходит? Неохота, чтобы они здесь пересекались...

– Да я понимаю. Как-нибудь решим, – вздохнул отец и добавил: – Наверное, в ближайшее время не придёт. Уедет она из Перми, пока всё не утрясется.

Что должно утрястись, мы с мамой подробностей не знали. Точно была авария, вроде на отца навесили разбитую иномарку, потому что он был выпивший за рулём. Ладно, ещё будет время вникнуть.

– Пап, а ты знаешь, что тебе в нашем бывшем колхозе положен земельный пай?

– В каком колхозе, Лесостепновском?

– Да. Маме вчера тетя Галя прислала по электронке письмо: всем бывшим колхозникам или членам их семей положены земельные паи. Ну, кто сколько лет в колхозе проработал.

– Серьезно? Так я там год всего был, ещё до женитьбы.

– Ну, значит, небольшой участок. А вот мама за моего дедушку Кирилла получит большой пай.

– Это как же?

– Новый губернатор так сказал: земля тем, кто на ней работал. Наши поселковые мужики за землю судились вот и отсудили. Сейчас председатель колхоза, точнее, кооператива дядька Мишка-зоотехник.

– Ну, помню такого...

– Мама придёт, подробнее расскажет, если что.

– А она сегодня обещала?

– Не знаю... Если уладит с временной пропиской.

Пауза затянулась. Отец снова задумался о чём-то. О своём земельном пае? О маме моей? О чужой разбитой машине? Не знаю. Но в мыслях он точно – не со мной.

– Пап, ну я пошёл. Мне сегодня в вечернюю школу.

– Давай, сын. В новом коллективе заяви о себе.

Спускался я на первый этаж уже не на лифте. На фиг надо, там сегодня дедка-покойника везли. Я не боюсь, но всё-таки...

9. Шок – Ленка беременна! Все остальное – мелочи жизни

В вечерку идти не хотелось. Что там меня ждёт? Может, в этой школе учатся одни бандюки типа Амбала. Тётя Галя говорила же, что половина Перми – ээки, половина – менты. А батя советует: заяви о себе! Легко сказать.

Надо симку вставить. Послать номер Дениске, Маришке, может, Звёздной Звезде. Ещё кому? Ну, классной моей бывшей... Хотя зачем? Вот сегодня с новой классной придётся общаться. Что она за птица? Жена доктора – будет лечить мне мозги склонениями-спряжениями, суффиксами-префиксами. А может, новая классная про «меню подростка» будет пургу мести? Невовремя захотелось есть. Блин, я же недавно у отца перекусил. Что ли сквозануть – не пойти в школу?

Зазвонил мой телефон.

– Да, мам.

– Кирилл, жду возле вечерней школы. Ты сейчас где?

– На «Титанике»! – автобус как раз ехал по плотине КамГЭС, и я попытался острить.

– Не морочь голову, конкретно – где?

– Ну через КамГЭС переезжаем, – пояснил я и понял, что днём гидростанция на океанский лайнер никак не похожа.

– Жду у школы, «Титаник» доморощенный.

Ну понятно. Сегодня не удастся соскользнуть. Придётся тащиться в школу.

Пока ехал, пришла эсэмэска от рыжего Дениски: «Привет, Кир. У меня всё нормалёк. Амбала участковый закрыл. Говорят, Ленка от него беременная. Как ты? Пока».

Ну дела! Я сидел и перебаривал. Потом написал Дениске: «У меня все пучком. Про Амбала и Ленку – это точно? Может, сплетни?».

Дениска ответил: «По ходу не сплетни. Её Завмаг увёз куда-то».

Чуть не прозевал свою остановку – всё думал о Звёздной Звезде: ревновал, злился, жалел. Ленка беременная – как там классная отреагировала, да и вообще вся школа? Маришка что-то молчит, не пишет...

Я выскочил из автобуса, огляделся. Помню, надо идти через березовую рощу. Там прикольные мостики – разноцветные. И памятники интересные. О, этого я узнал – Ванька Жуков, который писал «На деревню дедушке».

Вспомнил своего дедушку – Кирилла, которого при жизни не видел, и почему-то того деда, что сегодня ночью умер в палате у отца. К чему это? В парке так красиво, а тут – мысли про мертвых. Ну и про Ленку с Амбалом.

Среди этих мыслей – резкий звонок от мамы:

– Ты где, Кирилл?!

– Я подхожу к школе, в парке.

– А ты в какую школу лыжи наострил среди бела дня? – вдруг возникли рядом два местных пацана. Ростом пониже меня, но оба плотные. Видно, мои ровесники.

Я успел выключить телефон и немного растерянно сказал:

– В вечернюю... А что?

– Ты, видать, неместный. Говор какой-то.

– Я из неоднозначного региона, – так им и сказал, потому что здесь наши края так называют.

– Откуда-откуда? Ты чё гоняешь?

– Отвечаю, – как можно убедительнее сказа я, прижавшись спиной к дереву, чтобы сзади никто не смог напасть, если вдруг чего.

– Что у тебя за мобила?

– «Нокия», кнопочная.

– Отстой.

Мне пришлось согласиться.

– Закурить есть?

– Нет, я не курю уже два дня.

– Бросил?

– Нечего... То в поезде – с мамашей, то тут – без копейки.

– А ты за копейки чего это вдруг? Думаешь, будем тебя потрошить?

– Нет, не думаю.

– А зря! – оба засмеялись. – Ну ладно, пошли в вечерку. Мы тоже туда.

– Пошли, – согласился я, чувствуя, однако, какой-то подвох.

– А зачем в Пермь приехал?

– Отец в аварию попал, сейчас лежит в больнице весь переломанный, не встает.

– Точно?

– Отвечаю! – снова сказал я убедительно.

– Ну ты не мохай. Мы детей не обижаем и заморышей тоже.

«Заморыша» мне пришлось проглотить, а что возражать, если правда.

– Только малолеток отучаем курить, – уточнил другой пацан. – Мы из клуба бокса, за здоровый образ жизни. А ты, вижу, боксом не занимаешься. Вот, физиономия вся покоцанная.

– С такой раскраской советуем здесь не ходить. Пацанята мелкие приметят, подумают – лёгкая добыча и стаей отметелят.

– Боксом нет, не занимаюсь, – ответил я почти обреченно. Не рассказывать же им про нашего Амбала или что я в кусты свалился с больничного забора. Засмеют. Эх, как я пожалел, что не занимаюсь дзюдо. У нас как-то в Лесостепном открылась секция. Прямо в общежитском подвале. Мама меня туда записала, даже кимоно по дикой цене купила. Но секцию разогнали, из кимоно я давно вырос. Как хотелось мне соврать, что занимаюсь дзюдо, но язык не повернулся.

– А ты точно из тех краев? Как ты говоришь: неоднозначный регион?

– Да точно. Могу паспорт показать.

– А там на русском языке написано?

– Конечно!

– А ну дай посмотреть.

Оба юных боксера внимательно изучали мой паспорт, шевелили губами.

– Кирилл, значит? Ха, я тоже Кирилл, – довольно сказал один парнишка. – А это Славик. У него уже третий разряд, юношеский.

Разрядник, между тем, задался вопросом:

– А ты что такой белобрысый? У нас мигранты все чернявые.

– Так у мамки с папкой получилось, – весело сказал я, и все засмеялись. Я понял, что они меня приняли за своего.

– Ты тут надолго?

– Как получится.

– Если что, приходи в наш клуб. Ты хоть и тощий, но у тебя длинные руки. Это преимущество у боксера, – констатировал разрядник Славик и сделал несколько имитаций ударов, неизменно останавливаясь в сантиметре от моей челюсти. Я невольно отшатнулся.

– Не смейте его трогать, не смейте! – раздалось пронзительное. – Я вам глотки перегрызу!

– О, смотри, какая-то девка бежит, как угорелая, – показал мой тёзка на мечущуюся в конце аллеи фигурку.

– Не понял... Это не девка, а моя матушка, – удивился я и крикнул ей: – Мам, все нормально!

Мне было неудобняк перед новыми товарищами. Тем временем мать почти добежала до нас, споткнулась и... упала. Я бросился к ней.

– Мам, ты как?

– Господи, что они с тобой сделали...

– Тетенька, извините. Это мы в шутку, – Славик вместе со мной помог матери встать.

– Мам, это нормальные пацаны, – успокаивал я плачущую мать. – Они местные, тоже в вечерке учатся...

– Да, мы нормальные, – подключился мой тёзка Кирилл. – Мы за здоровый образ жизни.

Мама не вполне верила моим новым знакомым, всхлипывала, озиралась и была готова вцепиться в горло любому. Я её ещё такой не видел.

– Ну, мы пошли, – виновато сказал мой тёзка.

– Пока.

Боксеры удалились по аллее. Я остался со всхлипывающей матерью и мыслями о беременной Ленке и Амбале.

10. Отец снова подсел на пиво, но мы батю вытащим!

Мама вытерла слезы, стала приводить себя в порядок. Мне надо было в вечерку, но как оставить мать в таком состоянии? Вдруг она сказала:

– Так, сегодня в школу не пойдёшь. Неизвестно, что у них на уме, – кивнула мама в сторону ушедших знакомцев.

– Да ладно, мам... Они нормальные пацаны.

– Может быть. Но ты ж не хочешь в школу? – не дожидаясь ответа, сказала: – Сейчас поедем в больницу.

– К отцу? – с радостью спросил я.

– И к нему зайдём. Надо с моей работой что-то решить, – пояснила она и добавила: – С пропиской всё нормально. Этот начальник мебельного цеха, наш земляк, отличным парнем оказался. Без проблем регистрирует. У него есть свободная комната в том общежитии, где мы остановились. Дал месяц пожить бесплатно.

– Классно! – сказал я. Но мысли мои были о Ленке с Амбалом: неужели правда? Может, сплетни? Потом мои мысли самостоятельно, может, в знак протеста, переключились на Маленькую Эротiku. Точнее, я думал о консультанте салона связи Ксении, которая была поразительно похожа на Маленькую Эротiku из нашего вагона. Блин, я уже запутался в этих девчонках...

Девочки и мальчики,
Дуры и обманщики...

Ехали молча. Прогудел мой телефон – приземлилась эсэмэска от Маришки: «Привет, Кир. Как ты? Твои орехи высадили в палисадник. Привет т. Ирине. У нас все нормально». Про Звёздную Звезду и Амбала – ни слова.

Что написать Маришке, которая, можно сказать, застучала меня на мыслях о Маленькой Эротике и Ксении из салона? С того времени, как мы уехали из Лесостепного, прошло пять дней: три в поезде, два здесь.

Много чего произошло, но мне ничего героического совершить не удалось. Ну синяк почти сошёл. Что ещё? Один раз в вагоне бутылкой спутника Маленькой Эротики чуть не звезданул, опять же бутылку запустил в закрытую дверь, отпугнув хозяина комнаты Ваську, потом швырнул судно в Жанку. Вообще позорище ☹. Это, если честно, я всё от страха и злости. Да и сегодня сдрейфил, когда подкатали боксеры. М-да... Где моя смелость в виде орла? Короче, Маришке писать нечего. Не спросишь же, за что закрыли Амбала? Может, из-за «лирики» или всё-таки из-за Звёздной Звезды? Написал: «Привет, Маришка. Всё нормально».

– Сын, приехали!

Мы пошли в медсанчасть. На проходной стоял знакомый по первому посещению охранник в черном. Что это он постоянно дежурит?

– К батю? – спросил супермен, записывая что-то в журнале.

– Да!

– Ну как он там?

– Идёт на поправку! – бодро ответила мама. Меня несколько удивил её настрой. – Вы что-то часто дежурите?

– Отгулы зарабатываю. Надо тоже к батю в Соликамск съездить.

– А у нас там земляк живёт. Денискин дедушка...

– Ну, понятно, – сказал охранник неопределённо.

Я потащил маму через вестибюль на первом этаже к служебному лифту. Мне взбрело в голову испытать себя на смелость – утром в этом лифте спускали деда-покойника из отцовской палаты. Маме об этом, конечно, не сказал.

Мать извлекла из пакета халаты и бахилы.

– Все своё ношу с собой! – довольная, сказала она. – Сейчас у нас с тобой такой период – надо быть готовыми ко всему.

Да, про маму это можно сказать. Например, сегодня она была готова перегрызть глотку боксерам. С такими мыслями я нажал на кнопку вызова служебного лифта. Я тоже был готов, допустим, увидеть очередного покойника. Но вдруг сейчас... отца мертвого вывезут на носилках? Эта дикая мысль заставила меня скукожиться до состояния самого заморенного заморыша. В это время дверь лифта распахнулась. Нам навстречу шагнул Виктор Ильич – папин лечащий врач и муж моей классной из вечерки.

– Что за делегация? – удивился доктор.

– Мы к вам, Виктор Ильич, – бодро сказала мама и уточнила: – На счёт трудоустройства.

– Отлично. Подождите меня здесь.

Доктор пошёл по своим делам, мы ждали. Лифт был открыт.

– Мам, я к отцу. Хорошо?

– Давай.

Я шагнул в лифт, шкурой ощутил недавнее присутствие покойника. Когда дверь захлопнулась, по спине пробежал холодок. Не успел я обвинить себя в трусости, как лифт остановился на третьем этаже, дверь распахнулась. Неведомая сила меня вытолкнула вон!

Коридор был пуст, дверь палаты закрыта. Хоть бы Жанки не было, подумал я. Однако решительно распахнул дверь палаты, готовый столкнуться с ней. Папкиной жёнки не было.

Отец, кажется, спал. Я подошёл поближе. Он медленно повернул голову и посмотрел на меня каким-то блуждающим взглядом, кривенько улыбнулся:

– А, сынок. Я тут немного расслабился, – сказал он заплетающимся языком. – Так пива захотелось, – он как-то неестественно закинул плеть руки и достал из-под кровати бутылку.

Отец несколько раз жадно отхлебнул, отдал мне уже пустую тару:

– Вынеси, чтоб никто не видел.

– Хорошо, пап, – я хотел сказать ему, что ему пить нельзя, но язык не повернулся. – А где взял пива?

– Да какая разница. – Он прикрыл глаза и тут же признался: – Жанна забегала, гостинец принесла.

Меня злило, что эта стерва спаивает отца.

– Да ты не дуйся, сынок... Это я её попросил. Она сегодня уехала из Перми.

– Пап, тебе же нельзя пить, ты и так слабый. Сейчас врач придёт, скандал будет.

– Сын, боль меня замучила, вот немного заглушил. Таблетки уже не помогают.

Я подумал, может, отцу купить «лирику»? Это же от боли, её, может, здесь без рецептов дают? Только наркомы «лирику» приспособили для своих нужд.

Про «лирику» отцу я, естественно, не сказал. В это время распахнулась дверь, на пороге стояла мама.

– Привет, – бодренько сказала она, держа в руках поднос с больничной едой. Оказывается, мать встретила в коридоре санитарку с папиным ужином. Мама, как мне показалось, принялась:

– А кто здесь из нас троих пил пиво?

Я был готов взять вину на себя, но не понадобилось. Мама сказала:

– Костя, ты решил расслабиться? Ну ладно...

– Ира, это последний раз, – виновато сказал отец.

– Знаю, как всегда, последний раз.

– Мам, он больше не будет.

– Детский сад, – с укоризной сказала мать и распахнула окна. – Пусть хоть проветрится... Так, сейчас мы тебя покормим, Константин.

Она реально кормила отца из ложки и говорила строго:

– Костя, мы с твоим сыном приехали не для того, чтобы пивные бутылки выносить. Ты должен взять себя в руки.

– Да, согласен.

– Твоего согласия мало, надо напрячься. Нашему сыну нужен здоровый отец. Вдруг со мной что-то случится? Твоему сыну что, в детдом идти?

Отец, кажется, окончательно протрезвел и слушал озабоченно.

– С завтрашнего дня я здесь работаю санитаркой. Мы тебя поставим на ноги, но и ты не должен раскисать.

У меня было радостно на душе. Я был готов помогать маме: обтирать отца влажным полотенцем, выносить судно. Это не позорно – он же мой родной папка. Мы должны вытащить бату. Да я и сам должен помочь матери заработать копейку. Она же не зря меня кормильцем называла.

ГЛАВА VI

1. Мама первый день на работе, я – первый день в школе

Мы перебрались в комнату Владимира Сергеевича, нашего земляка-мебельщика. Мать пошла работать санитаркой в медсанчасть. Двое суток по двенадцать часов, двое суток – дома.

Свой первый рабочий день она начала с уборки не в палате у отца. Всё должно быть по очереди. На этаже 20 палат, надо помыть полы во всех да ещё в коридоре. К отцу решили пока не заходить – сначала работа. Я маме, конечно, помогал – носил ей ведра с водой. Мне, честно говоря, было не по кайфу – пацан занимается мытьем полов. В палатах, где мама убирала, к моему присутствию отнеслись спокойно. Точнее, не обратили внимания. Только одна бабулька сказала: «Молодец маль-

чик. Маме помогает». Мне ещё больше стало не по себе, к тому же – какой я мальчик? У меня рост метр восемьдесят. Мама правильно поняла моё смущение и сказала:

– Константинович, не царское это дело – полы мыть. Оставь, я сама.

– Я не полы мою, а тебе помогаю. Чувствуешь разницу?

– Чувствую, – улыбнулась мама.

Мы, как сговорившись, не заводили речи об отце. Но работа шла своим чередом и приближала нас к его палате.

– Ну вот и батя твой, – нарочито торжественно сказала мама.

Я почему-то разволновался и оттягивал очередную встречу с отцом. Главное, чтоб он опять не напился. Может, Жанка и не уехала из Перми и снова принесла ему бухла, то есть пива, а может, что покрепче.

Я первым шагнул в палату:

– Привет, пап!

– О, кого я вижу! – сказал батя бодро и, как мне показалось, с нежностью посмотрел на маму.

– Пока я буду убирать, ты покорми отца, – распорядилась мать.

К папиной казенной каше прибавились орехи, которые мы с мамой ещё вечером накололи. Некстати вспомнился дядька Мишка – он же эти орехи и мёд передал для отца.

Мама быстро управилась с работой:

– У меня – всё! Влажная уборка завершена, – как бы доложила она больному и улыбнулась. – Ну, я пошла. Мне другие палаты мыть. Кирилка, ты тоже не задерживайся, тебе в школу.

Я вдруг понял, что с отцом мне не о чем говорить. Чтобы заполнить паузу, я предложил делать батю зарядку. Стал потихоньку разминать ему стопу, свободную от гипса. Потом начал сгибать и разгибать его руки, которые были будто плети. Мне очень хотелось, что у него уже нарастала мускулатура.

– Сынок, ты не опоздаешь в школу? – спросил отец.

– Да, пап, мне пора, – сказал я с некоторым облегчением. – До завтра! Мама к тебе ещё зайдёт.

Я благополучно добрался до вечерней школы. Нашёл Людмилу Васильевну:

– Здравствуйте, я пришёл.

– Вот и славно, – сказала она.

Я невольно сравнил её с нашей классной из Лесостепновской школы. Конечно, Людмила Васильевна была милее и симпатичнее. Но тут я себя поймал на очередном предательстве: Наталья Анатольевна всё сделала, чтобы меня отправить к отцу, а я как бы от неё отрекся в пользу городской Людмилы Васильевны.

– Так, куда тебя посадим? – Она обвела взглядом класс, где сидели человек пятнадцать учеников – разномастная компашка. На последней парте пряталась от учительских глаз упитанная девица, явно старше четырнадцати лет.

– Кирилл, у тебя рост соответствующий, ты прекрасно будешь смотреться рядом с Валею.

– Привет, – я присел возле девицы.

– Что ты вытаращился? – прошипела соседка по парте. – Беременная я. Ещё вопросы есть?

– А у меня их и не было, – стушевался я от такого приёма и от самого факта беременности моей соседки.

– Вот и правильно, а то скажу, что ребёнок от тебя, тогда попляшешь, – прошипела она угрожающе. – Знаешь, что за изнасилование бывает?

– Знаю... Но я тут при чём? – Честно говоря, не рассчитывал на такой приём. Знал, что тут всякой братии насобирали, но чтобы вот так – изнасилование и всё такое... Я вспомнил про Звёздную Звезду и Амбала, там какая-то непонятка с Ленкиной беременностью.

– Валя, вы уже познакомились с Кириллом? Вот и славненько, – обратилась в нашу сторону Людмила Васильевна. – Да, все собрались? Я вам сейчас представлю вашего одноклассника.

Я встал.

– Это Кирилл, он буквально три дня назад приехал к нам в Пермь из неоднозначного региона. Папа его после аварии в медсанчасти лежит. Прошу любить и жаловать.

Я сел и исподволь начал рассматривать Валу, её внешние признаки беременности. При этом меня не покидала мысль о Звёздной Звезде. Неужели правда, что она залетела от Амбала? Действительно ли его закрыли? М-да...

Людмила Васильевна артистично рассказывала о проблемах нравственной памяти в каком-то там рассказе. Я, если честно, ни фиги не старался вникнуть. У меня своя «нравственная память»: вот Ленка – как она там, беременная? Кошмар, Завмаг, наверное, её со свету сживёт! Про Маришку у меня «нравственная память»: пишет эсэмэски только про орехи, а может, она в меня влюбилась? Но мне теперь нравится консультант Ксения, которая похожа на Маленькую Эротуку. Но и Ленку беременную жалко. Блин, с этими бабами я запутался!

А что там рыжий Дениска? Как бы в моё отсутствие у них с Маришкой любовь-морковь не случилась, подумал я с ревностью. Может, у Дениски спросить про адрес его деда из Соликамска? Земляк все-таки.

Зазвенел звонок, все высыпали в коридор, я тоже. Подошёл первым к пацанам, хотя мне это стоило усилий. Я приказал себе не показывать свою несмелость перед ними. Пацану быть трусом нельзя никак.

Познакомились, тут же подошли боксеры – мой тёзка Кирилл и разрядник Славик. Оказывается, они учились в 9-м классе – на год старше.

– О, какие люди и без охраны!

– Ну что, приколола тебя Валухо?

– В каком смысле?

– Ну, она, видишь, толстая. Каждому пацану говорит, что от него беременная.

– А, ну да, – признался я. – Ещё и за изнасилование грозилась.

– Ха-ха-ха, – ржали пацаны. – Оба-на, не успел приехать, сразу папашей стал!

– А ты, правда, из неоднозначного региона?

– Он однозначный, – это боксер Славик сказал свое слово. – Мы вчера даже паспорт смотрели у него. Всё по-русски написано.

Короче, первое знакомство состоялось, угрозы я не увидел. Мне повезло, что вчера задружил с боксерами. Правда, пришлось в качестве вступительного взноса купить на все деньги чипсов. Новые однокашники остались довольны.

После уроков, которые заканчивались в восемь вечера, вспомнил, что у меня на проезд денег не осталось.

– Пацаны, кто займет на билет?

Дружно скинулись по мелочи. Оказалось, даже больше чем на проезд. Я отправился сразу к отцу в больницу.

2. У мамы и отца – «вечер воспоминаний»

А в это время мама и отец вспоминали лучшие дни своей совместной жизни. Их оказалось не так много, как хотелось. Но вышло, что самыми счастливыми были: день их свадьбы и день моего рождения.

– Костя, скоро мы с сыном уедем, прошу тебя, уделяй ему внимание, пока есть время. Сколько можешь.

– Иринка, я понимаю... Держать вас не могу, – виновато улыбнулся отец. – Я и в молодости не смог тебя удержать, не смог дать того, что ты заслужила. А сейчас тем более: ни здоровья, ни кола, ни двора... Последний участок с дачей отожмут, козлы.

– Да дело не в том, есть ли у тебя за душой что-то или нет. Сын, знаешь, как переживает за тебя! Ведь он сам хотел к тебе через полстраны ехать – автостопом.

– Перед сыном я виноват. У него сердце слишком доброе. Трудно ему будет в жизни...

– Да, он мягкосердечный... Это, наверное, плохо. Таких считают бесхарактерными, – вздохнула мать. – Ты же помнишь, он у нас кесаренок. Галина, подружка моя из амбулатории, говорила, что кесарята не приспособлены к преодолению трудностей.

– То, что он кесаренок, я, конечно, помню... За тебя тогда я сильно переживал, веришь?

– Хотелось бы верить, – вздохнула мать. – Как он на тебя похож, наш Кирилка... Не только внешне. Твой характер, твои движения, даже в голосе твои интонации.

– Да, сын – мой. Он на меня похож не только худобой...

– Думаю, твои родственники, когда увидят Кирилла, признают, что он с ними одной крови, – грустно улыбнулась мама.

Отец промолчал, только положил свою руку на мамину, она осторожно высвободила свою.

– Знаешь, Костя, ещё раз тебя прошу: за это время постарайся дать ему хоть что-то, что не смог в своё время. Главное, сам не раскисай. Прояви характер.

– Ты собираешься выходить замуж?

– Костя, мы от главной темы отошли. У нас есть общий сын, но у каждого своя жизнь. Прошло ведь больше десяти лет...

– Я понял. Ты выходишь замуж за этого, как его... Зоотехником работал ещё на ферме.

– Михаил...

– Да, Михаил. Я знаю, ну, желаю счастья. Тем более, он теперь у вас председатель.

– Стоп! Ты сейчас о чём? Кто тебе это сказал?

– Это он по всему Лесостепному говорит. Мне вчера звонил Артём. Он рассказал.

– Какая самоуверенность... Ну председатель, ну великий начальник, – хмурилась мама. – А Завмагу зачем надо было все это распространять? Зачем вы, мужчины, всякую фигню перемалываете? У него что, своих проблем нет?

– Да Артем нормальный мужик. Просто предупредил по-товарищески, – отец попробовал защитить Завмага. – Он, кстати, меня звал обратно. Станцию техобслуживания открывает, нужен мастер.

– Подумай... Может, и правда вернешься. У тебя золотые руки.
– Надо оклематься, там будет видно...
– Вот именно. Пока нужно тебя вытаскивать. Я и бабушке из нашей церкви слово дала, и перед сыном у меня есть обязательства вытащить тебя. А тему моего замужества закрыли. Я же не говорю о твоей жене...
– Ну какая она мне жена?
– Не знаю, какая, но скандалы закатывает как самая законная.
– Ну, ладно, тоже проехали... Вы уже перебрались на новую квартиру?
– Да, я же говорила.
– Там отвёртки не найдётся?
– Отвёртки? Зачем? – удивилась мама.
– Отремонтировать надо розетку.
– Ну, здесь же есть дежурный электрик. Давай скажу заведующему?
– Да нет, хочу вместе с сыном отремонтировать розетку. Я буду говорить как, а он делать.
– Ну, ты слишком буквально отцовское воспитание понимаешь. Там ток, опасно...
– Да что ты! Мы же обесточим.
В это время в палату вошёл я.
– Всем привет!
– Сын, здорово! – Отец приподнялся на локтях, попытался протянуть мне руку, но как-то неловко откинулся на подушку. Но мы всё-таки пожали друг другу руки. Я почувствовал, что отец хоть и слабый ещё, но о нём уже можно сказать, как и прежде: худой, но жилистый.
– Как дела в школе?
– Нормально, – почти небрежно бросил я, хотя хотелось рассказать отцу (без мамы) о том, что задружил с боксерами. Но, конечно, не о ложной беременности новой одноклассницы Вали. Опять вспомнил про Звёздную Звезду Ленку – ей сейчас несладко. Если, конечно, правда, что она залетела. Может, позвонить? Хотя, конечно, не при родителях.
– Ну, вы тут поговорите, а я пошла дежурство сдавать, – сказала мама и вышла из палаты.
– Пап, как твои старые кости? – попытался я пошутить.
– Нормально, – уверенно ответил мне отец. И я понял по тону, что у него действительно дела идут на поправку. Мы молчали. Вот так всегда, я заметил: когда есть, о чём поговорить с отцом, кто-то присутствует, например, мама. Когда остаемся наедине, вроде не о чём говорить. Вот мы и молчали. Я решил заполнить паузу:
– Пап, а что ты маме говорил про розетку?
– Ты слышал, что ли? Да починить надо бы, а я вот, сам понимаешь, не могу.
– Давай! А что для этого надо?
– Ну, сначала отключить щиток энергоснабжения. Нужно с дежурным электриком договориться. Это надо делать днём. Давай завтра, а то ведь придётся отключать свет.
Я кратко рассказал отцу о новых школьных товарищах, немного изобразив из себя крутыша. Отец слушал внимательно.
– Это хорошо, что ты задружил с пацанами и сразу заявил о себе.
– Конечно, – согласился я и предложил сделать батю зарядку.
– С удовольствием! – согласился отец.
Мы долго манипулировали с его доступными суставами. Устали оба. Мама зашла за мной и с улыбкой сказала:

- О, размахались крыльями!..
- Пошли на взлет, – попытался пошутить отец.
- Ну, и мы, Кирилка, наверное, пойдём на взлёт? Вечер воспоминаний завершен, – грустно улыбнулась она.
- До завтра? – спросил отец.
- Завтра не моя смена, – сказала мама. – Кирилл сам придёт. А я, наверное, какую-то подработку поищу.
- Ну пока, пап. Я обязательно буду...

3. Отцовское воспитание: меня долбануло током, я ждал сверхспособностей

На следующий день я пришёл в медсанчасть с утра. Сделали упражнения с папиными тугоподвижными суставами. Потом разработали план ремонта розетки. Дело нехитрое, но я побаивался – мне не пришлось иметь дело с током.

Сбегал к больничному гаражу, где располагался электроучасток, объяснил дежурному электрику, что надо. Он, удивительно похожий на грузчика дядьку Сергея из Лесостепного, согласился пойти к батю в палату. (Я уже который раз ловил себя на мысли, что здесь встречаются люди, очень похожие на наших, лесостепновских. Или я сам себе это придумывал?) Короче, пошли с электриком, похожим на грузчика, в палату к батю.

Отец попросил отремонтировать розетку.

– Главное, чтобы сын своими руками это сделал, понимаешь?

– Понимаю, – сказал электрик. – Я, например, своих пацанов гоняю по дому. Они что-то должны делать своими руками, ну и уважать отцовский труд.

– Вот и мой сын хочет сам починить розетку, – батя глянул на меня.

– Ясно. Но по технике безопасности положено отключить электричество. А это целая канитель. Сейчас процедуры и всё такое, – электрик с шумом водрузил на прикроватную тумбочку свой «ядерный чемоданчик». – Это надо писать заявку, согласовывать с замом главврача...

– Я понял. С тобой каши не сварить.

– Кашу, может, и сварить, только пустая ложка горло дерёт.

– Конкретно говори, мужик.

– По пивасику...

– Вопрос решаемый, – сказал отец. – Открой тумбочку, подними дно.

Электрик поднял фанерку на дне тумбочки. Там лежала целая батарея пивных бутылок.

– О-о-о!.. – воодушевился электрик. – Правильный ход. – Он ловко извлек из тайника один пивасик.

– Постой, мужик... Сначала дела сделаем.

Мы встретились с отцом взглядами: откуда дровишки? Он ответил на мой немой вопрос:

– Это с прошлого раза осталось, когда Жанна приносила.

– Так! Моё дело давать команды, – заявил электрик, – а твой короед будет всё исполнять. Так?

– Ну так, но мой сын не короед...

– Как же, не короед! В школу денежку дай, на чипсы – дай, на телефон – дай. А потом скутер захочет, а потом – девки. Что, твой, скажешь, не такой? Все они, пацаны, одинаковые.

– Мужик, мы сейчас не о том говорим, – мрачно ответил отец, вдруг, как мне показалось, устыдившийся, что он как раз «денежку» не давал мне ни в школу, ни на чипсы, ни на телефон. – Короче, если хочешь помочь, давай. Нет – значит, нет.

– Так! – торжественно сказал электрик. – Работаем под напряжением. Сам понимаешь, я отключить целый этаж не могу. Гарантирую, всё будет нормаль! – Он распахнул свой «ядерный чемоданчик», сунул мне отвертку:

– Откручивай болтик, снимай крышку.

Я вспомнил почему-то завмаговское «решил – действуй» и с волнением открутил крышку. Внутри, мне показалось, был клубок змеёнышей, а не провода. Микрофильм фэнтези...

– Дай, гляну, – отодвинул меня электрик. – М-да... Просто нет контакта. Видишь, провод подгорел, изоляция оплавилась.

Глотнув пива, скомандовал:

– Откручивай распирающие лапки...

– Чего? – я про лапки не понял.

– Там болтики, сынок, держат распорки, – подсказывал отец.

– Смелее! – подбодрил электрик.

Я волновался, аж пальцы онемели, но болтики поддались.

– Откручивай силовые контакты, – дал указания электрик. – Освобождай провод.

Я напрягся, из-под отвёртки высунулось алюминиевое жало.

– Молодец, Кирилл, – подбодрил отец.

– Пошёл второй, – давал команду электрик.

Я смело приступил к другому болту, чтобы освободить силовой контакт. С удовлетворением отметил про себя, что думаю уже на «электрическом языке». Тут отвертка соскочила внутрь розетки, туда, где клубились змеёныши проводов. Сноп искр! Страшный треск!.. Меня так долбануло током, что я отлетел, опрокинув спиной папину тумбочку с пивным тайником.

– Сын!.. – заорал отец, дернулся и свалился с кровати, повиснув за гипсованной ногой на растяжном механизме. – А-а-а...

У меня перед глазамиплыли круги. Сквозь радужную сетку увидел отца, который корячился на «виселице», но я не мог пошевелиться. Электрик, придурок, стал спешно собирать раскатившиеся по палате «пивасики». На шум сбежалось всё отделение. Первой возле меня оказалась медсестра Катя, которая мне тайно нравилась. Она была испугана и ещё красивее прежнего. Даже красивее Звёздной Звезды.

– Что с тобой? – она поддержала мою голову своими теплыми ладошками, нежно провела по щекам. Мы встретились взглядами, потом мои глаза опустились к скромному вырезу халата, где колыхнулась очень даже немаленькая эротика, я невольно положил руку на торчавшее передо мной её колено и... потерял сознание. Это произошло не от удара током, а от божественных прикосновений медсестры.

В нос мнешибанул нашатырный спирт, я очнулся. Теперь, к моему разочарованию, надо мной колдовал Виктор Ильич и ещё какие-то медсестры. А Катя склонилась над моим отцом. Вместе с электриком, санитаром и ещё каким-то врачом они умащивали батю на его распотрошённом ложе, поправляли растяжной механизм. Катя в своих движениях была восхитительна. Я именно такими, непривычными для меня словами думал про неё: «божественна», «восхитительна»!

– Очнулся... Всё нормально, – констатировал Виктор Ильич. – Давай, осторожно его на носилки.

Он и ещё какая-то медсестра помогли мне приподняться и перевалиться на носилки-каталки.

– Сынок, ты как? – подал голос отец.

– Нормалёк. А ты как, пап?

– Всё хорошо, – бодрился отец.

Мне, однако, было фигово. Хотя ныл у меня только палец, куда ударило током. Меня не тошнило, голова не болела, но было фигово. Во-первых отец, наверное, покалечился, во-вторых, мама ещё не знает о происшествии. И потом, эти бутылки с пивом... И медсестра Катя не появляется. И Звёздная Звезда Ленка беременна от Амбала. И Ксения из салона сотовой связи, которая похожа на Маленькую Эротикку, вообще ко мне не имеет отношения. И Маришка не пишет эсэмэски, и Денис молчит. Всё – в кучу! Я чувствовал себя конченным заморышем.

Но хорошо вот что: врач Виктор Ильич, когда меня несли в палату, сказал:

– У многих людей после удара током открываются сверхспособности.

Через какое время, интересно? Надо ждать. С этой мыслью, а также с удовлетворением, что не надо идти в школу, я уснул. И снился мне всё тот же сон: я взбираюсь по лестнице без перил на балкон, где теперь стоит медсестра Катя. А внизу отец и мать – обнявшись, и я, маленький.

Сон прервала мама:

– Кирилка, ты спишь?

– Уже нет.

– Господи, горюшко ты моё, – заплакала она. – И этот взрослый дурень нашёл время для отцовского воспитания.

– Мам, не плачь. Врач сказал, что у меня откроются сверхспособности.

4. Я влюбился в медсестру Катю и совершил ещё один подвиг Геракла – с газонокосилкой

Случай с коротким замыканием и с пивными бутылками, но без жертв быстро замяли. Кому нужен лишний шум? Все живы-здоровы, даже батины срастающиеся кости не нарушились. Злополучную розетку вообще обесточили.

Я худо-бедно закончил учёбу в вечерней школе – без применения сверхспособностей. Они, эти способности, которые у многих проявляются после удара током, у меня пока не открылись. Но я надеялся на них и возобновил мечту стать офицером. В Перми, на Гайве есть военный институт, там со всей страны учатся. Почему бы и мне не поступить туда?

Этой заветной мечте не мешало то, что я каждый день бывал у бати. Мы с ним продолжали разрабатывать его тугоподвижные суставы. Отцовское тело вроде бы восстанавливалось.

Врач Виктор Ильич показал ещё специальные упражнения, полезные отцу. Конечно, мама нас поддерживала не только своим присутствием. А ещё нам помогала со всякими физиотерапевтическими процедурами медсестра Катя.

Если честно, после удара током я в неё влюбился окончательно – какая-то химия мне в голову стукнула вместо сверхспособностей. Ну стар-

ше она на пять лет меня, и что? Понятно, что я спешил в медсанчасть не только к отцу, но и чтобы увидеть её, Катю. Она чем-то неуловимо напоминала и Маришку из Лесостепного, и Маленькую Эротикку, и Ксению из салона связи и даже Звёздную Звезду Ленку – дочку Завмага. У меня закрутилось в голове:

Девочки и мальчики,
Дуры и обманщики...

Кстати, Артём Артёмович увёз Ленку из Лесостепного в областной центр к своим родственникам, чтобы рожала в какой-то частной суперклинике. Это тётя Галя маме писала на электронку. Мать поделилась с отцом – я слышал. Говорят, избавляться от ребенка было поздно. В дело вмешался батюшка Артемий из нашей Троицкой церкви, сказал Завмагу: «Не бери на душу грех детоубийства». Амбала отпустили из ментовки. Это и рыжий Дениска в эсэмэсках писал.

Амбал, впрочем, для меня уже не был авторитетом. Я начал заниматься боксом. У меня отличный размах руки, я легко передвигаюсь по рингу – гиперактивный же! Это мне тренер Иван Иванович сказал. Понятно, я же длинный и худой. Но поскольку у меня дефицит веса, как у папы в свое время, тренер меня определил к мелким, которые на 2 года младше меня. В основном я занимался общефизической подготовкой, работал с грушей. Ну, попробовал с мелкими пацанами на ринге. Честно говоря, напропускал ударов. Губы были как вареники. Но, кажется, я победил страх.

Я стал жестче, потому что помню: с мягким сердцем пацану никак, тем более будущему офицеру! Жесткость я даже к отцу проявил:

– Пап, надо уже вставать!

– Я встану обязательно, – ответил он мне также твердо.

И он встал, ну, не совсем, конечно. Под присмотром врача Виктора Ильича и с помощью меня и мамы отец взгромождался на инвалидную коляску. Мы её называли каракатицей. А то «инвалидная коляска» звучит как-то уж совсем тоскливо, по-стариковски. Спускались во двор. Любили тусоваться возле блока вспомогательных служб больницы. Там котельная, гараж, мастерские. Электрик нас привечал.

– Ну твой короед молодец всё-таки. Помогает отцу, значит, уважает, – говорил он батю про меня.

– Уважает, – с гордостью соглашался отец.

– А мой балбес всё боксом занимается, школу забросил. Жена его в вечернюю сдала. Тоже Кирилл зовут.

– Мой тоже в вечерней. Звёзд, конечно, не хватает, но восьмой класс закончил. Тоже на бокс записался.

Оказалось, мой тёзка Кирилл из школы бокса – это его сын. Ну нормально!

– Я Кирилла знаю! Это мой друг.

– Друг? – с недоверием посмотрел на меня электрик. – Ну-ну... А пацанам надо не звёзды хватать, а руками работать, ну и головой, – важно говорил электрик. – Вот, например, я в электричестве...

– Папа тоже головой работает, будь здоров, – не удержался я.

– Батя твой – да! Знаю, он и механик, и строитель. А вот ты...

– И он научится, – вступился за меня отец.

– А вот в газонокосилке вдвоем разберетесь? – как бы подначивал электрик. Ему завхоз сказал отремонтировать этот нехитрый агрегат, а он, хитрец, хочет, чтобы батя это сделал.

– Легко, – сказал отец. Он же ещё в Лесостепном в «Зеленстрое» был спецом по газонокосилкам. Потому я и люблю запах скошенной травы и бензина – с генами впитал.

Короче, целый день мы провозились с газонокосилкой. Отец говорил, что мне делать, я выполнял его советы. Только кажется, что всё просто, а на самом деле... Батя пропустил процедуры, я – обед. (Меня, признаюсь, подкармливали на кухне – придумали типа «меню подростка». Мама договорилась, ну чтоб йододефицита не было.)

– Всё-таки сделали газонокосилку? Ну нормально, – одобрил работу электрик. – А теперь надо обкатать машину. Давай, Кирилл!

Это оказалось сложно. Во-первых, газонокосилка, которую надо надевать на себя, как рюкзак, тяжелая. Во-вторых, она меня начала кидать из стороны в сторону, как мелкого. Ну конечно, у меня же дефицит веса. Но я хоть худой, но жилистый. Как батя.

Короче, я приноровился. Мне даже понравилось. Рулишь вроде как дельтопланом, ну или мотоциклом. А после тебя буквально ковер стелется. Тут, в Перми, такая сочная зелёная трава! Вот бы кроликов, например, развести. Я помню, на старом дворе у деда Кирилла и после его смерти стояли пустые клетки. Я туда ещё как-то залез, когда был мелким. Потом меня долго искали. Ну так вот. Как я рулил газонокосилкой, заметил завхоз. Подошёл:

– Это ты сын санитарки Ирины?

– Ну да, – настороженно ответил я.

– Хочешь заработать? – Он это сказал прямо с интонациями дядьки Мишки-зоотехника из Лесостепного. Вспомнилось же...

– А кто не хочет!

– Можешь прямо сейчас приступить. Тебе, наверное, уже лет 16 стукнуло, паспорт есть?

– Да, есть паспорт, – про возраст я промолчал.

– Мне тоже пришлось пацаном начать работать, – сказал завхоз. – А за чем я буду Среднюю Азию нанимать, если есть свои неоднозначные регионы, – обратился он к электрику и отцу.

– Правильно, начальник, – одобрил электрик. – Пусть пацан работает. Трудотерапия, понимаешь, от раздолбайства хорошо помогает.

Так я начал работать. У меня получалось, я не чувствовал себя заморышем, а скорее наоборот. Мне казалось, мои бицепсы прямо наливаются. Я так хотел, чтобы меня, сильного, видела медсестра Катя. Но её, к сожалению, не было. Я вспомнил свой трудовой подвиг Геракла – «авгиевы конюшни» у дядьки Мишки-зоотехника.

5. Мама уезжает – они с зоотехником решили пожениться, я остаюсь с отцом

Новоиспеченный председатель сельхозкооператива «Лесостепновский» Михаил Иванович, как его теперь там... внезапно дал о себе знать.

Звонил мой телефон:

– Привет, Кирилл! – Это дядь Миша-зоотехник.

– Здравсьте, – удивился я.

– Скажу коротко, Кирилл, без лишних церемоний. Мы с твоей матерью решили сойтись.

– Как сойтись? Пожениться, что ли?
– Сойтись, приглядеться друг к другу, а там, даст бог, поженимся.
– Как это? А как же я, как мой отец?
– Кирилл, ты уже взрослый парень. У отца твоего своя жизнь, он же женат. Жанна у него там, что ли?
– Причём тут Жанка? И вообще... – я не знал, что сказать. Вдруг почувствовал себя скукоженным заморышем, обманутым и преданным.

– Мать боится тебе сказать, что мы хотим сойтись, – продолжал дядька Мишка. – Но надо обрезать пуповину. Нельзя тебе всё время возле мамкиной юбки.

Про пуповину – это он зря. Скотовод же не знает, что меня она, пуповина, чуть не удушила ещё до рождения.

– Это не ваше дело, возле чьей я юбки! Это моя мать!
– Вот-вот... Мать у тебя как собственность. Потому-то она тебе сама и боялась сказать. Ты подумай, сколько матери в одиночку горе мыкать?

– Она же инженер, у нее высшее образование! – у меня не оказалось более веского аргумента.

– Вот и хорошо. Найдётся ей работа в кооперативе. Сейчас-то она работает уборщицей.

– Санитаркой, – уточнил я. – Это временно. Пока папа в больнице. Она 1С в бухгалтерии осваивает.

– Бухгалтеры везде нужны. Не будь эгоистом, Кирилл. Ты скоро вырастешь, а мать одна.

– А вам-то что: одна она или нет?

– Кирилл, понимаешь, взрослые люди имеют право на личную жизнь. Она тебя уже вырастила...

– А теперь будет выращивать ваших баранов? Навоз за ними убирать?

– Знаешь, Кирилл, не надо так. Подсобное хозяйство, оно людям помогает выжить. А животные ухода требуют. Все же любят мясо, молоко? А как это достается? Через труд!

– Так вы возьмите себе домработницу или гастарбайтеров наймите. Вы же теперь великий начальник!

– Кирилл, не груби. Председателем меня народ выбрал, я не сам себя назначил. А с матерью твоей мы сами разберемся, кто и что по хозяйству будет делать.

– Как вы всё быстро замутили! Ну, это ещё неизвестно, что мама скажет!

– Я позвонил, потому что она не решилась бы на это никогда. И что ей там делать, в вашей Перми? Вы оба, ты и твой отец, будете её эксплуатировать до конца жизни.

– Это вы эксплуататор! То баранов своих эксплуатировали, теперь будете колхозников и мою маму!..

Я отключил зоотехника. Пошёл он... Ни фига себе! Они за моей спиной пожениться решили! Это – как предательство. Я взбесился, хотелось плакать. Но пацану плакать – это позорно! Я напряг волю, которая уже не казалась мне божом, сдержался.

Появилась мама. Она была в светло-зеленом платье из своей юности. На фоне свежескошенной травы мама была просто красивой. Но это меня не сдержало, и я выпалил:

– Мам, как же ты так? Этот зоотехник...

– Он все-таки позвонил тебе... Ну ладно, сын, слушай. Вот как раз и отец подходит.

Батя, высвободившись из коляски-каракатицы, самостоятельно поднялся на костыли и довольно уверенно направился к нам.

– Ну вот все и собрались, – решительно сказала мама. – Так, мужики...

– Привет! Ты сегодня такая красивая! – сказал с улыбкой отец.

– Спасибо... Жаль, что ты этого мне не говорил в своё время...

– Надеюсь, ещё исправлюсь. Какие наши годы!

– Так, ребята, – сдерживая волнение, начала мать: – Я возвращаюсь в Лесостепной.

– Как? – только и смог сказать отец.

– Поездом. Мы же договорились, пока ты на ноги не встанешь, я буду здесь... Но ты уже на ногах, слава богу.

Отец как-то понуро повис на костылях – это называлось «встать на ноги». Мне было жалко батю и обидно за нас двоих.

– Мам, а я как же?

– Сынок, думаю, тебе надо побыть с отцом. Впереди каникулы.

Квартиру я оплатила, денег немного оставлю и буду высылать.

– Ну да, ты теперь будешь богатой председателем! – Во мне говорила обида, а не разум.

– Сын, а ты жестокий, – тихо произнесла мать. – Я этого не заслужила.

– Мам, извини... Конечно, устраивай свою жизнь. Тебе и с деньгами будет легче. – Я не к месту вспомнил лужу безденежья в стиле фэнтези. Она с детства мне отравляла жизнь, и маме тоже.

– Кирилл, давай по-взрослому... Мать, конечно, имеет право, – сказал осипшим голосом отец и тут же спросил у мамы: – Ирина, когда ты уезжаешь?

– Послезавтра. Костя, тебя завтра уже выписывают. Пока перебирайся к нам на квартиру. Владимир Сергеевич в курсе. Обещал помочь, если что... Да и за Кирилкой присмотрит.

– Не надо за мной присматривать. Обойдусь сам, не маленький уже, – фыркнул я, весь обиженный на мать.

– Ну конечно, ты взрослый, вот и хорошо, – говорила мама тихим виноватым голосом. – Билет я уже купила. Кир, остаешься за старшего, потому что ты здоровый и уже вот сам зарабатываешь. Завхоз мне сказал, что на работу тебя берёт.

– Так ты знаешь уже, что я работаю?

– Ну а как ты хотел, чтоб мать не знала. Вот, к самостоятельной жизни готов, можно сказать. Пора отпустить тебя, Кирилл Константинович, в самостоятельное плавание – обрезать пуповину...

Что они, сговорились с этим зоотехником? Пуповину обрезать, пуповину... Мать как будто не знает, как я в этой пуповине запутался. Потому и кесаренок, потому – заморыш гиперактивный. Точнее – психический.

– Ты все-таки выходишь замуж за этого... председателя, – с тоской, но без укора произнес отец.

– Посмотрим... а ты, Константин, не спейся. Потому сына с тобой оставляю. Выздоровеешь, возвращайся к своей Жанне.

– Мы с папкой будем без неё жить, – резко сказал я.

– Если сын будет мешать, отправишь его в Лесостепной, – не глядя на меня, произнесла спокойно мама. – К 1 сентября пусть обязательно вернется.

– Ты же сказала, что я здесь буду учиться. В военный институт готовиться.

– Видишь, Кирилл, обстоятельства меняются... А готовиться в институт везде можно, хоть в Перми, хоть в Лесостепном.

– Я, кажется, всем вам мешаю... – Мне пришлось подавить желание разрыдаться от обиды. Но нет, пацану позорно плакать!

– Кирилка, если б ты знал, как мне больно, сынок... Но это лучше и для тебя, и для отца, – мама сама расплакалась.

– Ладно, не будем разводить сырость. Значит, так надо! – стараясь быть бодрым, сказал отец.

6. Стоп-кран и... продолжение маминой «дурацкой» песни

Вот и всё!.. Через день мы провожали маму с вокзала Пермь II. Нас туда отвез на новенькой кредитной «гранте» Владимир Сергеевич. Мы с отцом пока остались пожить в его комнате, может, до сентября. А там у бати решится вопрос с его дачным домиком под Пермью – возле деревни Мошни.

Мама беспрестанно плакала, прижавшись ко мне. Потом, когда проводница попросила поспешить занять места, мать с отцом порывисто обнялись. Батины костыли предательски упали. Я их подобрал и не смотрел на родителей, потому что у меня текли позорные слезы. Меня подбодрил Владимир Сергеевич:

– Ничего, Кир, когда-то надо пуповину обрезать, – он как бы повторил слова матери и зоотехника.

Я снова вспомнил про роль пуповины в моей жизни и ощутил себя полным заморышем. Почему-то подумал о неродившемся брате. Конечно, если бы он родился, мы бы все вместе жили и мама с отцом бы не расходились. Может, не надо было тогда ездить маме на бухгалтерские курсы? В аварию б не попала, брата бы мне сохранила. Или судьба такая?

Владимир Сергеевич поднял в тамбур пару маминых сумок.

Мать последней из пассажиров вошла в вагон.

– Быстрее, девушка, быстрее. Сейчас отправляемся, – нервничала проводница.

Под «Прощание славянки» поезд тронулся. Мы с папкой сиротливо стояли посреди перрона.

– Ну, земляки, поехали домой, – сказал Владимир Сергеевич.

И тут только что тронувшийся поезд заскрежетал тормозами, содрогнулся всем длинным туловищем, остановился.

– Ого! Кто-то сорвал стоп-кран, – пояснил Владимир Сергеевич.

Дверь в одном из вагонов распахнулась, из неё буквально выпрыгнула... мама. За ней вывалились две сумки. Проводница размашисто жестикулировала и явно ругалась.

Я бросился к маме, отец, насколько позволяли костыли, – тоже. Даже Владимир Сергеевич побежал.

Мама беспомощно плюхнулась на сумки и зарыдала.

Нас перегнали полицейские, в одном из которых я узнал вежливого сержанта из тех, кто встретил нас, когда мы приехали в Пермь.

Закончилось всё тем, что маму пригласили в привокзальное отделение транспортной полиции. Там объяснили:

– Стоп-кран в вагоне применяется только в связи с безотлагательной необходимостью. Вам понятно? Это предотвращение крушения, аварии, схода с рельсов подвижного состава, человеческих жертв.

– Вот я и предотвратила крушение... И человеческих жертв нет.

– Девушка, оставьте эту лирику для кого-то другого, – с укоризной сказал полицейский. – Статья одиннадцать точка семнадцать Кодекса РФ об административных правонарушениях. Самовольная без надобности остановка поезда влечет наложение административного штрафа.

– Согласна, – устало произнесла мама.

– Ну, земляки, вы даёте, – то ли с восхищением, то ли с осуждением сказал Владимир Сергеевич, потом добавил: – Как в бразильском сериале.

Я не знаю, что такое бразильский сериал, но догадался что это – не очень... потому что родители молчали, но тут Владимир Сергеевич разрядил обстановку:

– Вот теперь будет время вас всех свозить в Белогорский монастырь. Храм там классный!..

– И на Гайву, в военный институт, – добавил я, радостный. – Может, и в Соликамск к Денискиному дедушке съездим, ну, который ёлочки посадил у Троицкой церкви из Белогорского монастыря.

– Конечно! – решительно сказал отец. – Я чуть оклемаюсь, у меня в гараже старая «Ока», отремонтируем. Сами будем ездить.

А мама вдруг взяла и запела свою странную песню, из которой мне был знаком только первый куплет:

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься,
От истоков струишься отеческих,
Меж камней-валунов извиваешься.

Ты ручьями-притоками полнишься,
Вдаль уносишь свои воды быстрые,
Лес суровый к тебе низко клонится,
Крутизна берегов – вместо пристани.

На просторы степей вырываешься –
Полновластная, полноводная.
В нежных водах заря умывается,
Заливает поля плодородные...

– А дальше не помню, – призналась мама. – Но продолжение есть...